

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

ЦВЕТ КРОВИ
БЛУЖДАЮЩИЙ РАЗУМ

Алексей Александрович Калугин
Блуждающий разум
Серия «Абсолютное оружие»
Серия «Цвет крови», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22477654

Цвет крови. Блуждающий разум: Издательство «Э»; М.; 2017

ISBN 978-5-699-93549-9

Аннотация

Проблема альтеров кажется неразрешимой, поскольку те, кто в силах ее решить, не признают иных методов, кроме силовых. По мнению властей, хороший альтер – это альтер, запертый в спецпансионате. Напряженность во взаимоотношениях людей и альтеров создает взрывоопасную ситуацию. И именно в этот момент в игру вступает Мастер – легендарный альтер, о котором говорят, что для него не существует ничего невозможного. Но каковы его цели, пока не знает никто. А в довершение всего невесть откуда появляются дикие альтеры – одержимые жадой крови существа, чьи животные инстинкты возобладали над человеческим разумом...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	18
Глава 2	36
Глава 3	45
Глава 4	70
Глава 5	99
Конец ознакомительного фрагмента.	105

**Алексей Александрович
Калугин
Цвет крови.
Блуждающий разум**

© Калугин А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*** * ***

*Вино прокисло жизни.
Уильям Шекспир*

Пролог

Охранник поднял воротник и прижался ухом к искусственному меху. Он хоть и искусственный, а все равно мягкий, приятный. И даже вроде как теплый.

Охранник прошелся вдоль ворот. Мороз – минус двадцать три. Снег под ногами тихонько поскрипывает. Здесь никто не посыпает дороги реагентом неизвестного состава, из-за которого снег превращается в слякотное месиво, скользкое, как раскатанная ледяная корка. Здесь все чисто и натурально. Три раза в день по дорожке, тянущейся через лесополосу, проезжает импортный снегоуборщик, похожий на чудного робота из «Звездных войн». От шоссе до ворот пансионата. Снег летит на обочину, а позади снегоуборщика остается чистый асфальт. Англичане свои хваленые лужайки ежедневно подстригают. А нам приходится три раза в день снег убирать, чтобы дороги чистыми были. Ну что тут поделаешь

– климат такой. Зато никакого реагента, разъедающего подошвы сапог.

Охранник остановился на середине дороги, поправил ремень закинутого за спину автомата и повернулся в сторону охраняемого объекта.

Вход на объект закрывали кованые двустворчатые ворота. На каждой створке – причудливый вензель, похожий на строчную букву «в», вписанную в вытянутый по вертикали овал, образованный линией, вытянутой из нижнего хвостика буквы. Поверху – пики. С виду ворота кажутся легкими, выполняющими скорее декоративную функцию, нежели защищающими объект от несанкционированного проникновения. Однако высадить их можно разве что танком. Охранник видел, как эти ворота проверяли на прочность. Створки даже не качнулись, когда их на полной скорости протаранил «мерс». Зато вертикальные перекладины сантиметров на тридцать врезались в капот машины. Чтобы оттащить ее, пришлось тягач подгонять. Так что единственный проход на территорию пансионата – через дежурку, что слева от ворот. С виду дежурка тоже похожа на декоративную пристройку, но на самом деле укреплена так, что способна выдержать многочасовую осаду. Охраннику в дежурке достаточно кнопку нажать, чтобы заблокировать дверь и опустить на окна стальные щиты с узкими прорезями бойниц.

За воротами – заметенный снегом парк с разбегающимися в стороны тропинками. Деревья стоят голые, теплолюбивые

кусты укрыты специальной полимерной пленкой, клумбы и цветочные гряды засыпаны кое-где проглядывающей из-под снега цветной стружкой. По тропинкам сада курсируют трое охранников. Охранник у ворот видел только одного своего коллегу. Но двое других тоже находились где-то неподалеку. Они прохаживаются по дорожкам парка даже ночью, при свете фонарей.

После того как из пансионата сбежали семеро альтеров, служба охраны объекта была реорганизована. На деле это означало, что полетело несколько сановных голов. Охранная компания, обеспечивавшая безопасность на объекте «Пансионат номер сорок пять», была ликвидирована. А охранники, которым в ту ночь не повезло оказаться на посту, теперь несут службу где-то о-очень далеко. Так далеко, что даже название этого места мало кто знает. А кто знает, тот предпочитает не вспоминать. Ходят слухи, что даже директор фирмы, устанавливавшей на объекте систему видеонаблюдения, не по миру пошел, а сел, всерьез и надолго. У нас всегда так – порядок начинают наводить только после того, как жареный петух свое дело сделает.

Три человека возле главных и единственных ворот. Один – на улице, двое – в дежурке. Трое расхаживают по тропинкам парка. Трое – у входа в здание, что на другом конце парка. Еще двое патрулируют периметр с внешней стороны. Все при оружии. Все в полной боевой готовности. Непонятно только, что они сейчас охраняют, если в пансионате ни

единого альтера? А из всего персонала остался один врач. И тот непонятно чем там занимается. Хотя, конечно, понимания от охранников никто и не требует. У них другая задача.

Охранник наклонил голову в другую сторону, чтобы спрятать в воротник правое ухо. Мороз, конечно, не такой уж сильный, чтобы уши отморозить, но почему бы не погреть, если есть возможность.

Если честно, то, даже несмотря на постоянные проверки и надоедливые инструктажи, работа на объекте «Пансионат номер сорок пять» – лучшая из всех, что у него были. Тишина, покой, отличная кормежка и свежий лесной воздух – чего еще может пожелать охранник? Летом так и вовсе будет благодать. Пансионат находится в стороне от проезжих трасс и общественных зон отдыха, так что случайных прохожих и уж тем более машин здесь и в помине не бывает. Местные знают, что здесь находится режимный, охраняемый объект, который, от греха подальше, лучше стороной обойти. Для совсем уж тупых повсюду развешаны пугающие таблички: «Объект находится под охраной. Вход строго по пропускам. За нарушение – уголовная ответственность». Ну и кто после такого сюда сунется?

Охранник на парковой дорожке поднятой рукой поприветствовал коллегу по другую сторону ворот. Ответив ему тем же жестом, охранник у ворот посмотрел на часы. Еще двадцать минут – и можно будет зайти в дежурку, чтобы выпить горячего чая с королевским сэндвичем. Хлеб он нама-

жет кетчупом, положит на него толстый кусок ветчины, два колечка салями, дольку лука, листик салата, ломтик маазда-ма, сверху смажет майонезом и накроет еще одним кусочком хлеба. Сказка, а не сэндвич!

Привычным движением поправив автоматный ремень, охранник повернулся к воротам спиной. И тихо присвистнул от удивления.

По снежной целине бодро топал странный тип, вышедший не иначе как из лесополосы. На нем были оранжевый строительный комбинезон и синяя пластиковая каска на голове. В руке он держал предмет, здорово смахивающий на сетку-авоську, какую в былые времена все сознательные граждане страны советов всегда носили в кармане, на случай, если вдруг в соседнем магазине что-нибудь «выкинут».

Увидев, что охранник смотрит на него, человек помахал рукой.

Охранник беззвучно выругался. Такой хороший день – без ветра, солнечный. Снег так и искрится, будто алмазной пылью посыпан. В дежурке его ждут чай и королевский сэндвич. Все здорово! Просто замечательно! Так нет же, принесла нелегкая какого-то чудилу. Который совершенно конкретно направлялся к воротам охраняемого объекта.

Не отводя взгляда от человека в оранжевом комбинезоне, охранник боком подошел к дежурке и пару раз стукнул кулаком в дверь.

Дверь приоткрылась.

– Чего? – выглянул из дежурки охранник с рыжими, как огонь, волосами и россыпью крупных веснушек по всему лицу.

– Смотри. – Охранник у ворот указал на гостя.

Рыжий хмыкнул и скрылся за дверью.

Почти сразу дверь широко распахнулась. Из дежурки выбежали оба находившиеся там охранника, рыжий и чернявый, в накинутых на плечи короткополых тулупах. Чернявый держал в руке половину бутерброда с колбасой, который он ел, когда рыжий сообщил ему о готовящемся вторжении на охраняемую территорию.

Едва взглянув на идущего по снегу человека, чернявый тотчас вынес вердикт:

– Придурок какой-то, – и откусил кусок хлеба с маслом и колбасой.

– Он вроде босой, – не очень уверенно произнес охранник у ворот.

Рыжий достал из кармана маленький бинокль и приложил его к глазам.

– Точно – босой, – подтвердил он.

– Точно – псих, – утвердил свой первоначальный диагноз чернявый и сунул в рот последний кусок бутерброда.

– Останови его, – сказал рыжий охраннику у ворот.

– Как? – не понял тот.

– Вели ему остановиться.

Охранник сделал шаг вперед.

– Эй! Вы, там! – Для убедительности он поднял руку. – Приказываю остановиться! Вы находитесь в охраняемой зоне!

Человек, шедший босиком по снегу, в ответ снова помахал рукой. Но даже не замедлил шаг.

– Может, он глухой? – предположил чернявый.

– Все равно придется оформлять задержание, – уныло протянул рыжий.

Оформлять задержание – это значит заполнять ворох бумаг, никому не нужных, но требуемых протоколом.

– Стой, тебе говорят! – снова крикнул охранник.

На этот раз он для убедительности выдернул из-за спины автомат.

– Может, позвать доктора, что в пансионате живет? – усмехнулся чернявый.

– Он по альтерам специалист, а не по психам, – ответил рыжий.

– Что делать будем? – спросил тот, что с автоматом.

– Ну если он сам этого хочет. – Рыжий выдернул из кармана наручники и ловко крутанул их на пальце. – Пойдем навстречу пожеланиям трудящихся!

Человек в оранжевом комбинезоне и синей каске остановился в трех шагах от охранников. Он действительно был босой. Комбинезон на нем был далеко не новый, в пятнах смазки и с дыркой на правом колене. В авоське у него лежали несколько пластиковых пакетов, заполненных какой-то

темной жидкостью, и одна толстая книга. Человек был ростом невысок и неказист. Лицо его казалось похожим на тысячу лиц, которые видишь в толпе и тут же, проходя мимо, забываешь. Но взгляд у него был настолько уверенный, что охранникам даже как-то не по себе стало. Казалось, что этот псих босой видит их всех насквозь, знает всю их подноготную.

– Здравствуйте, – простым, обыденным тоном произнес незнакомец.

– Привет, – недовольно кивнул чернявый.

Остальные вообще никак не ответили на приветствие.

– Я не псих, – сказал незнакомец.

– Оно и видно, – криво усмехнулся рыжий.

– Что у тебя в сетке? – спросил чернявый.

– Книга. «Улисс» Джеймса Джойса.

– А что за пакеты?

– Гемаконы. В них хранят донорскую кровь.

– Где ты их взял?

– Вам это действительно интересно?

– Так, давайте по существу, – вмешался в разговор тот, что с автоматом. – Раз ты с книжкой гуляешь, значит, читать умеешь?

– Да, умею, – подтвердил босоногий.

– Таблички видел? О том, что территория охраняется?

– Видел, – не стал отпираться незнакомец.

– Зачем тогда пришел?

– Мне нужно в пансионат. – Незнакомец взглядом указал за ворота.

– Зачем? – повторил свой вопрос охранник.

– Меня ждет доктор Карцев.

Охранники переглянулись.

– Это тот самый врач, что живет в пансионате, – подтвердил босоногий.

– Мы не знаем, как его зовут, – качнул головой чернявый.

– Вам и не положено это знать, – едва заметно улыбнулся незнакомец. – Вы должны охранять территорию.

– Вот этим мы сейчас и займемся. – Рыжий показал незнакомцу наручники. – Брось на землю свою сумку, повернись ко мне спиной и заведи руки за спину.

– Во-первых, я не вижу земли, – сказал босоногий.

– Значит, бросай на снег.

– Во-вторых, ты не сможешь надеть на меня наручники.

– Это почему же? – с любопытством прищурился рыжий.

– Можно сказать, что я не в твоей власти. Или что это не в твоих силах. Что тебе больше нравится?

– Ладно, кончай болтать! – повысил голос рыжий. – Делай, что тебе велят!

– Я всего лишь попросил вас проводить меня в пансионат, – обескураженно покачал головой босоногий. – Неужели это так трудно сделать?

Рыжий коротко кивнул чернявому:

– Берем его.

И они разом кинулись на незнакомца.

Тот даже с места не двинулся. Он лишь вскинул свободную руку и быстро коснулся ладонью лба первым оказавшегося рядом с ним чернявого. И только после этого сделал шаг в сторону. Согнувшись в поясе, чернявый резко подался вперед, пробежал по инерции еще два шага и упал, зарывшись лицом в снег.

– Ах ты!..

Рыжему показалось, что незнакомец ударом сбил его приятеля с ног. Он перехватил наручники всей пятерней и размахнулся, чтобы ударить противника в висок.

Но босоногий удивительно легко ушел от удара. Не делая лишних движений, он двигался так, будто точно знал, что сделает в следующий момент каждый из охранников. Развернувшись на пятке, он толкнул вверх направленный на него ствол автомата и быстро провел кончиками пальцев по лбу автоматчика. На лице охранника появилось выражение крайнего удивления, которое тут же превратилось в маску полнейшей безмятежности. Охранник попытался сделать шаг, но потерял равновесие и упал. Сначала на зад, а затем и на спину. Да так и остался лежать, держа в одной руке автомат и пялясь в небеса пустым, бессмысленным взором.

Видя, что дело приобретает совсем уж дурной оборот, рыжий бросил наручники и выдернул из кобуры пистолет.

– На колени! – крикнул он срывающимся голосом. – Быстро! Или я буду стрелять!

Незнакомец посмотрел на «кольт» в руках охранника и улыбнулся.

– Как ты думаешь, я сумею поймать пулю?

Глядя на невозмутимо спокойное лицо незнакомца, рыжий охранник невольно попятился.

А незнакомец сделал шаг вперед.

И тогда охранник надавил на спусковой крючок.

Раздался приглушенный хлопок. Облачко серого порохового дыма вылетело из ствола пистолета.

В ту же секунду, а может, за миг до этого, незнакомец взмахнул перед собой ладонью. Как будто хотел поймать надоедливую муху. Только какие мухи зимой?

На миг все вокруг будто замерло. Звуки словно застыли в морозном воздухе. Рука охранника, в которой он держал пистолет, как будто одеревенела. Он не мог ее ни вверх поднять, ни вниз опустить. Так и держал перед собой, глядя на обволакивающий ствол дымок.

Затем незнакомец протянул вперед сжатую в кулак руку и раскинул пальцы в стороны.

На ладони лежала пуля.

Босоногий подкинул пулю, поймал ее двумя пальцами и сразу, продолжая начатое движение кисти руки, кинул ее рыжему в лоб.

На лице охранника появилось идиотски счастливое выражение. Ноги его подкосились. Он упал на колени, завалился набок, да так и остался лежать с подвернутой за спину рукой

и поджатыми к животу коленями.

Даже не взглянув на него, босоногий закинул на плечо авоську с книгой и, насвистывая негромко что-то из Боуи, зашагал в сторону дежурки.

Щелкнув пальцами, он разблокировал турникет, прошел на другую сторону и вышел в парк.

Встревоженные звуком выстрела, к воротам бежали двое охранников, патрулировавших парк. На человека в оранжевом комбинезоне и синей каске, идущего им навстречу, охранники даже не взглянули. Они были всего лишь люди и не могли видеть Мастера, если он сам того не хотел.

Мастер протянул руку и двумя пальцами легко мазнул по щеке пробегавшего рядом с ним охранника. Тот будто споткнулся на бегу, резко подался всем корпусом вперед, пробежал по инерции еще два шага и упал, раскинув руки в стороны.

Второго охранника, удивленно уставившегося на своего товарища, Мастер погладил по плечу. И тот тоже осел в снег.

Третий охранник стоял на пересечении пяти тропинок. Он словно выбирал, по какой из них ему направиться. Мастер облегчил ему выбор. Он коснулся пальцем пуговицы на тулупе охранника, после чего переступил через его тело и пошел дальше.

В стенах этого пансионата Мастер провел двадцать лет и два месяца. За все это время он лишь однажды видел парк – когда вместе с другими альтерами убегал из пансионата.

Но тогда была ночь. В свете выставленных вдоль тропинок фонарей парк выглядел завораживающе таинственным. Казалось, достаточно ступить на одну из его тропинок, чтобы навеки затеряться среди причин, пространств, времен. При свете дня сад был прекрасен. Даже несмотря на то что деревья стояли голые, кусты были укрыты полимерными пленками, и только три цвета заполняли пространство вокруг: белый и черный внизу, пронзительно-голубой сверху. Тишина, покой и умиротворение царили вокруг.

Мир был не просто хорош, а совершенен. В нем нельзя было ничего менять. Каждая деталь находилась на своем месте. Все было полно значения и смысла. Никогда еще Мастер не чувствовал подобного умиротворения. Он даже решил не трогать охранников возле корпуса. Но они сами все испортили. Выскочили с разных сторон, направили на него стволы автоматов и стали требовать, чтобы он бросил авоську на снег, убрал руки за голову и встал на колени. Для начала им бы следовало подумать, как ему удалось дойти до основного корпуса, миновав всех, кто находился у него на пути. Они же предпочли не думать, а действовать.

Люди все-таки невообразимо примитивны.

Глава 1

Ловчий

Шарков просматривал фотографии, отобранные универсальной поисковой системой «Кайзер» по признакам внешней схожести с воплощенным альтером в кожаной куртке и бандане, которого он уже третий месяц пытался отыскать. Доступ к УПС «Кайзер» ему предоставил куратор Бапиков. Прежде Игорь даже не знал о существовании поисковой системы, умеющей сводить воедино всю информацию обо всех жителях страны, полученную из самых разных источников, начиная с использования проездных билетов, пропусков и банковских карточек и заканчивая видеосъемкой со всех работающих камер наблюдения. Да только толку в этом было мало. На всех имеющихся фотографиях лицо альтера было похоже на глубокий мазок пальцем по сырой краске.

Единственный вывод, который удалось сделать на основании полученных данных: альтер много путешествовал. Но в его перемещениях по стране не наблюдалось никакой

упорядоченности. Сопоставив точки обнаружения альтера, автоматическая система локализации «Кайзера» пришла к выводу, что его постоянным местом пребывания является Москва. Но об этом Шарков и сам догадывался. Более точно обозначить возможное местонахождение альтера системе не удалось.

Кредитками альтер никогда не пользовался. Зато других документов у него, судя по всему, было в избытке. Билеты на поезд или самолет он заказывал через Интернет, всякий раз на новое имя. Шарков решил было, что за это можно зацепиться. Не так много специалистов, способных сделать качественный поддельный документ. И никто из них не станет работать с незнакомым человеком. Значит, можно было попытаться выйти на альтера через них. Но, когда Шарков поделился своими соображениями с Бапиковым, тот сказал, что все это ерунда.

– Ты внимательно читал материалы по кунгурскому инциденту? – поинтересовался Бапиков.

– Разумеется. – Шаркова даже обидел такой вопрос.

– И каким же документом воспользовался там наш альтер?

– Он показал охраннику удостоверение полковника из подразделения «О».

– Теперь прикинь, какой вменяемый специалист возьмется за подделку удостоверения офицера из подразделения «О»? Он прекрасно знает, что, как только всплывет хотя бы

один поддельный документ любого из подразделений, имеющих хоть какое-то отношение к проекту «Вечность», поднимется такая волна, что мало никому не покажется. Изготовителя фальшивки найдут чего бы это ни стоило и устроят такую публичную порку, чтобы впредь никому не повадно было заниматься подобными делами. Ни за какие деньги.

– Выходит, охранник из кунгурской поликлиники соврал?

– Нет, он действительно видел удостоверение полковника из подразделения «О». Хотя на самом деле никакого удостоверения не было. Некоторые воплощенные альтеры обладают уникальными способностями к суггестии. Он может показать тебе фотографию Мэрилин Монро и убедить, что это портрет спин-протектора.

– Выходит, документов, по которым он оформлял билеты, на самом деле не существует?

– Точно, – кивнул Бапиков. – Ищи другие зацепки.

Шарков искал. Но чем больше он ломал голову над этим делом, тем очевиднее становилось, что с помощью обычных оперативно-разыскных мер до воплощенного альтера не добраться. Обладая поистине нечеловеческими способностями, альтер легко обходил ловушки, в которые попадали тривиальные преступники. Он был хитрее, быстрее и изворотливее всех, с кем прежде приходилось иметь дело старшему лейтенанту Шаркову. Что мог придумать ловчий, если даже «Кайзер», перелопатив кучу информации, не смог и близко подобраться к этому чертову альтеру?

Но сдаваться Шарков не собирался. Ловчий делает свое дело, выполняя точные, доведенные до автоматизма действия. Одно за другим. В определенной раз и навсегда последовательности. То, чем занимался Шарков сейчас, было похоже на добычу золота самым что ни на есть кустарным способом — с помощью тазика с водой. Тут важен был не только и, может быть, даже не столько точный расчет, сколько кропотливость и систематичность, а также случай и удача. Шарков бы и сам посмеялся, скажи ему кто об этом полгода назад. Но теперь он методично, снова и снова, перебирал все имеющиеся факты, к большинству которых получил доступ лишь благодаря Бапикову. Систематизировал, сопоставлял, отбраковывал, искал связи. Неуловимый альтер превратился для него в идею фикс. Стал вызовом, приняв который Шарков уже не мог пойти на попятную. Он вел охоту на хитрого и опасного зверя, на самого опасного хищника из всех, что когда-либо существовали на Земле. Изощренный человеческий разум, помноженный на сверхчеловеческие способности, делал его неуязвимым. Но то, что альтер, скорее всего, и сам верил в собственную неуязвимость, рано или поздно должно было привести его к ошибке. Пусть не к серьезной ошибке, а к крошечному просчету. Задача же Шаркова заключалась в том, чтобы заметить эту золотую крупинку среди взбаламученного водой песка.

Но была и другая причина, по которой Шарков изнурял себя работой. Календарь отсчитывал один день за другим,

а от злополучного альтера из пансионата номер сорок пять, которого они с Карцевым заслали в логово вольных альтеров, не было никаких вестей. Ежели он так и не объявится, то первыми полетят с плеч головы доктора Карцева и старшего лейтенанта Шаркова. И пусть это только фигуральное выражение, можно было не сомневаться в том, что дальнейшая их жизнь будет суровой, как зима в Сибири, и безрадостной, как будни золотаря при дизентерийном бараке.

Во время работы об этом можно было почти забыть. Ну или притвориться, что забыл. Мол, я здесь весь такой, в делах, мне воплощенного альтера поймать надо, а до прочего мне и дела нет.

Чтобы отвлечься, Шарков набрал в поисковой строке «Кайзера» имя: «Юлия Алексеевна Левченко. Место нахождения».

«Кайзер» тут же указал точку на карте и выбросил ярлык: «Пансионат № 1».

Ну, значит, Юлию не вышибли с работы – уже хорошо.

Впрочем, куратор ясно дал понять, что все решения по организаторам побега альтеров из пансионата номер сорок пять будут приняты после того, как станет ясно, сработала их затея или нет. Карцев рассчитывал, что специально подготовленный им альтер вернется через две-три недели. Прошел месяц – альтер не возвращался. Шарков надежду не терял. Потому что иначе вообще ничего не останется.

Шаркову очень хотелось поговорить с доктором Карце-

вым. Он предполагал, что у Виктора могли иметься какие-то соображения насчет того, почему задерживается альтер. Он ведь не только знал его лично, но и программировал его сознание. Однако делать это было нельзя. За каждым шагом Шаркова внимательно наблюдали. Каждый его чих оценивался специалистами. Понятия не имея, как будет расценен его звонок Карцеву, Игорь решил, что лучше вообще не давать наблюдателям никакой лишней информации к размышлению. Поэтому все рабочее время он сидел в крошечной комнатухе, что ему выделили, и усердно трудился. Ну, или делал вид, что трудится.

Рядом с именем Юлии Шарков ввел новый запрос: «Родители».

«Мать: Левченко (Самусина) Татьяна Андреевна.
62 года.

Место рождения – Москва.

Образование – высшее.

Окончила Педагогический институт.

Специальность – преподаватель биологии и химии.

В настоящее время – домохозяйка».

«Отец: Левченко Алексей Игоревич.
65 лет.

Место рождения – Москва.

Образование – высшее.

Окончил – (пробел).

Специальность – (пробел).

Место работы – Подразделение «М».

Шарков кликнул по имени Юлиного отца, чтобы получить развернутую информацию о нем. Но в ответ на экране загорелась красная предупреждающая надпись:

«ДОСТУП ПЕРВОГО КРУГА!!!
ВВЕДИТЕ СВОЙ ЛИЧНЫЙ
ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ НОМЕР!!!»

Дабы не вступать в спор с глупой машиной, Шарков нажал кнопку отмены команды.

Откинувшись на спинку стула, Шарков уставился на голую стену напротив. Светло-серый цвет успокаивал и давал глазам отдохнуть.

Несмотря на крошечный размер, комната гордо именовалась кабинетом. Интересно, кто сидел в этой комнатке до него?

На самом деле Игорю было не очень-то интересно это знать. Просто надо было на что-то отвлечься. Юлия, помнится, говорила, что читает стихи, когда хочет развеяться. Шарков поэзию не любил. Или – не понимал. Разницы, в принципе, никакой. Поэтому, для того чтобы отвлечься, он думал о всякой ерунде.

Комната, которая теперь была его кабинетом, располагалась в глубине коридора, тянувшегося вдоль кабинета руководителя подразделения «О» и сворачивающего направо прямо за ним. Прежде Шарков даже не подозревал о существовании этого закутка. Дверь кабинета Джамалова всегда была конечным пунктом его похода по коридору. Но если комната

имелась, значит, кто-то непременно должен был ее занимать. В госучреждениях так принято. Тут иначе нельзя.

Шарков снова перевел взгляд на экран компьютера, на котором разместились четыре разноцветные круговые диаграммы. Две наглядно демонстрировали распределение посещаемости официально не существующего, а потому – заблокированного сайта alter.ru в зависимости от региона и дня недели. Две другие отображали возрастной и гендерный статус посетителей того же сайта. Не доверяя тем данным, что указывали сами посетители, «Кайзер» делал собственные выводы о возрасте и половой принадлежности пользователей, основываясь на характере их записей. Шарков и сам пока не знал, зачем ему нужна эта информация. С одной стороны, могла пригодиться, с другой – он тестировал возможности «Кайзера», которые казались безграничными, но в то же время не имеющими практического применения. Быть может, потому, что Игорь пока не научился в полной мере использовать все возможности поисковой системы.

В дверь деликатно постучали.

Привычным движением Шарков выключил экран.

– Войдите.

Дверь чуть приоткрылась, и в комнату заглянул посыльный.

– Разрешите, товарищ старший лейтенант?

– Давай, – махнул рукой Шарков.

Посыльный вошел в комнату и аккуратно прикрыл за со-

бой дверь. Молодой совсем парень, лет двадцать, не больше. Худой, долговязый. Лицо в мелких оспинах и прыщах. Одет в простой темно-синий костюм с белой рубашкой. Галстук в черно-золотую полоску завязан широким узлом, смотрящимся довольно нелепо. Рукава пиджака чуть коротковаты, как будто с чужого плеча. Хотя, может быть, так оно и есть – на сержантское жалование особо не пошикуешь. Парень небось только и мечтает о том, как бы перевестись со штабной работы в отряд ловчих.

– Вас вызывает к себе господин куратор, – доложил посыльный. И после короткой, едва заметной паузы добавил: – Немедленно.

Шарков молча кивнул и жестом отпустил посыльного.

Как интересно получается: старший лейтенант – товарищ, а куратор – уже господин. Потому что военного звания не имеет? Или по какой другой причине?

Господин куратор всегда отправлял за Шарковым посыльного. Господин куратор не любил телефоны. Шарков лишь раз видел, как он разговаривает по сотовому со своим руководством. Собственно, это даже разговором назвать было трудно. Бапикив нажал кнопку приема звонка, молча выслушал то, что ему сказали, и так же, ни слова не говоря, нажал кнопку отбоя. Вот и весь разговор. Судя по всему, господин куратор не просто не любил телефоны, а не доверял им. Видимо, потому, что лучше многих других знал возможности современных средств сбора информации. Тот же «Кайзер»,

с которым пытался наладить взаимопонимание Шарков, мог мгновенно подключиться к любому работающему телефону. Нужно было только указать соответствующий номер. И ввести код доступа для его прослушивания.

Шарков снова на секунду включил экран, чтобы убедиться, что он закрыт паролем, поднялся на ноги, застегнул пиджак на все пуговицы, одернул полы, поправил манжеты и провел ладонями по волосам. Порядок. Теперь он был готов.

Шарков вышел из комнаты и аккуратно запер дверь на ключ.

Куратор силового сектора Комитета Вечной Безопасности, глава спецотдела Юрий Станиславович Бапиков занимал кабинет полковника Вадима Джамалова, который официально все еще числился руководителем подразделения «О». Однако с момента появления во вверенном ему подразделении куратора Бапикова Джамалов старательно держался в стороне от всего происходящего. Главным образом потому, что плохо понимал, что, собственно, происходит и как это скажется на его дальнейшей карьере. Джамалов был отличным служакой, эдаким добротным редуктором, передающим приказы вышестоящего командования подчиненным и требующим их неукоснительного исполнения. Но просчитывать сложные, многоходовые комбинации он не умел. При нем отряды ловчих работали четко, как швейцарские часы. До тех пор пока в механизм не попала крохотная песчинка – вольный воплощенный альтер. Не будучи готов к подобной

ситуации, Джамалов предпочел спихнуть всю работу по поискам возмутителя спокойствия на Шаркова. В случае, если Шаркову удастся схватить альтера, все лавры достанутся мудрому руководителю. Если же бесчинства альтера будут продолжаться, ответ держать придется одному Шаркову.

В принципе, расчет был верный. Только абсолютно в духе Джамалова – очень уж прямолинейный. Полковник не принимал в расчет того факта, что Шарков мог начать свою игру. Которая и привела к тому, что в подразделении «О» появился куратор сектора КВБ Бапиков. А полковник Джамалов был выставлен из собственного кабинета. Поэтому Шарков не строил иллюзий на тот счет, какие чувства испытывает в отношении его Джамалов. Если Бапиков разочаруется в Шаркове, куратору даже не надо будет придумывать для него наказание. Достаточно будет отдать его Джамалову. А тот уж позаботится о том, чтобы Шарков страдал как можно дольше, желательно до конца дней своих.

Шарков постучал в дверь бывшего кабинета Джамалова и, не дожидаясь ответа, вошел. Бапиков страшно не любил все эти армейские «разрешите», «так точно», «никак нет». Он был исключительно собранным человеком и не желал отвлекаться на совершенно никчемные, с его точки зрения, формальности.

Выставив Джамалова из кабинета, Бапиков не стал занимать его большой письменный стол, уверенно стоящий на четырех расставленных в стороны львиных лапах, с мрамор-

ным пресс-папье и золоченым письменным прибором. Любой, кто садился за такой стол, сразу начинал казаться выше, солиднее и шире в плечах. Быть может, этим как раз и не нравился куратору стол Джамалова. В отличие от полковника он не старался подчеркнуть собственную значимость. Поскольку она и без того была ясна.

Бапиков облюбовал себе место по центру длинного стола для совещаний. Он сидел прямо напротив входа, лицом к двери, под большим портретом спин-протектора в тяжелой, золоченой раме. Перед куратором стоял открытый ноутбук. Справа – чашка чая и большое, расписанное синими цветами блюдо с пирожками. Бапиков любил что-нибудь жевать во время работы. Но только не при посторонних. Для Шаркова он делал исключение – то ли не считал его посторонним, то ли вообще не брал в расчет. Справа от ноутбука лежали смартфон куратора, толстый блокнот в кожаном переплете и большая перьевая ручка в золотом корпусе. Еще в самую первую их встречу куратор ясно дал понять Шаркову, что все эти предметы используются не только по их прямому назначению. Чем ближе к «Вечности», тем больше возможностей, но и тем строже контроль.

– Вызывали, Юрий Станиславович? – спросил Шарков, закрыв дверь.

– Всего лишь просил зайти, – уточнил Бапиков, не отрывая заинтересованного взгляда от экрана ноутбука.

Глядя на него со стороны, можно было подумать, что

он наблюдает за финалом захватывающего спортивного поединка. Или досматривает триллер с закрученным, как юла, сюжетом. На самом деле Шарков еще ни разу не видел, чтобы Бапиков занимался чем-то, не имеющим отношения к работе. Хотя чисто внешне и манерой поведения куратор вообще не походил на трудоголика. Скорее он был прагматиком, знающим, что от его работы зависит его будущее.

Заметив краем глаза, что Шарков все еще стоит у двери, Бапиков молча указал ему на стул по другую сторону стола. А когда Шарков сел, так же молча ткнул пальцем в чайник и блюдо с пирожками.

Шарков налил себе полчашки остывшего чая и сделал глоток. Пирожки в местной столовой выпекали замечательные: с сердцем, с печенью, с яйцами и луком, с рисом и сыром, с черносливом и курагой, даже с миногами. Бапиков настоятельно требовал, чтобы для него пирожки с разной начинкой клали на одно блюдо, вперемешку, и так, чтобы ни по внешнему виду, ни по запаху невозможно было догадаться, чтобы у них внутри. Обычно он брал пирожок в руки и, прежде чем разломить, долго смотрел на него, пытаясь угадать его содержимое. Это был почти мистический ритуал. «Если в руки тебе попал пирожок с начинкой, которую ты терпеть не можешь, пирожок все равно придется съесть после того, как ты разлочишь его, – говорил Бапиков, не сжимая, а лишь поглаживая зажатый в пальцах пирожок. – И, если ты сделал неверный выбор, никто кроме тебя в этом не виноват». По-

сле этого куратор разламывал пирожок. По выражению его лица невозможно было догадаться, получил ли он то, что хотел, или нет.

Шарков пирогов не хотел. Ни с луком, ни с сердцем, ни уж тем более с миногами. Он хотел знать, зачем его вызвал Бапиков.

Шарков не спеша, наслаждаясь каждым глотком, выпил чай, что был у него в чашке, и снова наполнил ее наполовину. Чай для куратора заваривали отменный. Не иначе как Джамалов гонял посыльных в чайную лавку, что у Красных Ворот, где, как говорят знатоки, только и можно было купить свежий, еще живой китайский чай.

Бапиков еще минут двадцать пялился в экран ноутбука, не обращая внимания на Шаркова.

Ловчий уже настроился на долгое ожидание. И даже начал прикидывать, какой пирожок взять с блюда. Как вдруг куратор одним движением захлопнул ноутбук, сложил руки перед собой на столе и посмотрел на Шаркова так, будто хотел спросить, а что он, собственно, тут делает? Игорю даже неловко как-то стало – человек делом занят, а он сидит тут, чаи гоняет.

– Если можно, я бы хотел получить доступ к закрытой информации о воплощенных альтерах, – начал Шарков, чтобы хоть как-то объяснить свое присутствие в кабинете и тем самым сгладить неудобство, которое он ощущал едва ли не кожей. – Мне это нужно для того, чтобы...

– Можно, – не дослушав, перебил Бапиков. – С сегодняшнего дня вы введены в Десятый Круг «Вечности».

От неожиданности Шарков растерялся настолько, что почувствовал себя плывущим в толще темной холодной воды. Он набрал полную грудь воздуха и боялся выдохнуть. Потому что сделать вдох можно было, только поднявшись на поверхность. Туда, где были тепло и свет.

– Это значит... – медленно начал он и умолк, боясь ошибиться.

Взгляд его скользнул по блюду с пирогами.

Если надломишь пирожок, а в нем окажется совсем не та начинка, которую ты надеялся найти, все равно придется его съесть.

Уловив взгляд ловчего, Бапиков едва заметно улыбнулся.

– Ваш альтер, Муромский, вернулся.

Шарков облегченно выдохнул.

Он снова лежал на горячем песке. А на небе сияло солнце. Жизнь была прекрасна.

– Правда, он до полусмерти напугал вашего друга Карцева.

– В каком смысле напугал? – непонимающе сдвинул брови Шарков.

– Карцев говорил очень путано и сбивчиво. Насколько я понял, с альтером произошли какие-то серьезные перемены, на которые доктор Карцев совсем не рассчитывал. Он уже не может контролировать альтера. Теперь альтер контролирует

его.

– В пансионате есть охрана, – не очень уверенно начал Шарков.

Собственно, Бапиков и сам об этом знал.

– Уже нет. – Куратор сцепил пальцы в замок. – Альтер их... нейтрализовал.

– Убил?

– Карцев утверждает, что альтер стер охранникам память. Теперь они, как новорожденные младенцы, нуждаются в заботе и уходе. Я уже отправил за ними машину с медиками.

– И что хочет этот альтер?

– Он готов к сотрудничеству.

– То есть он укажет нам место, где находится лагерь вольных альтеров?

– Да. Но для начала он хочет, чтобы мы выполнили ряд его требований. Ни одно из которых не кажется мне абсолютно неприемлемым. Для начала он хочет всего лишь обустроить свой быт. Получить то, чего он долгое время был лишен. Еда, книги, Интернет. Свободное передвижение, разумеется. Я уже отдал ряд указаний. Надеюсь, он останется доволен. Пускай недельку отдохнет, пообвыкнет. Тогда мы и нанесем ему визит.

– А вы не думаете, что за эту неделю вольные альтеры могут перебраться на новое место?

– С чего бы вдруг?

– Исчез наш осведомитель.

– Они не знают, что Муромский сотрудничает с нами.

– Но могут предположить это.

– Чтобы альтер добровольно вернулся в место своего заточения... – Бапиков с сомнением покачал головой. – Такой вариант они станут рассматривать в самую последнюю очередь. Скорее всего, они решат, что Муромский решил навесить кого-то из родственников или друзей. И предпримут некие действия с тем, чтобы попытаться отыскать его и наставить на путь истинный.

– Но если вдруг альтеры заподозрили что-то неладное? В таком случае мы рискуем всех их упустить.

– Муромский утверждает, что место, где он был, это не просто временный лагерь, а большой поселок с собственной инфраструктурой. По его оценкам, жителей там никак не меньше тысячи. Бросать такое место из-за одних подозрений не станет даже самый осторожный. Уже хотя бы потому, что перемещение такого большого количества людей само по себе способно привлечь к себе внимание. Я бы на их месте затаился и ждал.

Доводы Бапикова были вполне резонны. Но все же Шарков на его месте не стал бы медлить. Может быть, потому каждый из них и находился на своем месте, что ловчий знал, как нужно действовать, в то время как куратор умел оценивать ситуацию. Хотя не исключено, что все дело было в том, что Бапикову было известно что-то, о чем Игорь даже не подозревал.

– Десятый Круг – это выше, чем у Джамалова? – спросил Игорь.

И улыбнулся. На всякий случай. Чтобы можно было обратить все в шутку.

– Это не имеет значения, – с невозмутимым выражением лица ответил Бапиков. – Вы теперь работаете не с Джамаловым, а со мной.

Глава 2

Мастер

Люди невообразимо просты и предсказуемы. Ими можно манипулировать даже без помощи телепатии и суггестии. Так даже интереснее. Отчасти это похоже на игру. Только они играют в шашки, а я – в квантовые шахматы. Любой их ход – это законченное действие, после чего остается только ждать ответного хода соперника. Каждый мой ход – это переход в суперпозицию, открывающую несколько новых вариантов дальнейшего развития партии. Очень просто получить желаемое, когда имеешь дело с обычными людьми. Они ведь просто не понимают, что происходит. Даже самые лучшие из них мыслят такими примитивными категориями, что это сбивает с толку их самих. Решая задачу, включающую несколько взаимосвязанных элементов, они движутся к цели последовательно, шаг за шагом. Ни один из них не в состоянии окинуть взглядом всю проблему, просчитать в уме последовательность действий и результирующую каждого шага, чтобы сразу перейти к заключительному этапу.

Я не могу сказать, что люди все поголовно глупы. Нет! Интеллект многих из них превосходит тот, которым наделен я. Но ни один из них не в состоянии выбраться из скорлупы собственного разума. А без этого нельзя почувство-

вать окружающий мир во всех его проявлениях, невозможно слиться с ним, стать единым целым со Вселенной. Разум, что помог в свое время диким предкам человека выжить в мире жестокости и насилия, где прежде, до его появления, все решали размеры клыков и острота когтей, со временем превратился в ловушку. Ощутив собственное «я», человек осознал свое превосходство над всеми прочими живыми существами. Идея была ошибочна, но никто не мог указать человеку на это потому, что он слышал только голос собственного разума. Который не умолкая твердил ему: «Ты – Царь! Ты – Бог! Ты – Творец! Ты – Истина! Ты – Начало Всех Начал!..» Вроде как Большой Взрыв в свое время бабахнул только ради того, чтобы родилась Вселенная, на окраине одной из Галактик которой образовалась бы Солнечная система, на третьей планете которой началось бы взаимодействие аминокислот, приведшее через миллиарды лет к появлению прямоходящего примата с гипертрофированным головным мозгом, возмнившего себя Венцом Мироздания. Когда твой разум без умолку твердит тебе о собственном величии, трудно поверить в то, что все это могло быть чистой воды случайностью. И ничей умысел или промысел за этим не кроется. Какой, к ересям, мог быть умысел, когда вся эта махина рванула как!.. Ну да, примерно так, как вы и подумали. В тот момент ведь ничего не было. Вообще ничего. Да и быть не могло. Даже с размерностями творилась какая-то ерундень. И время несло во все стороны разом. Ну кто, скажите мне на милость,

мог думать в тот момент о какой-то там, к дребням, Солнечной системе где-то на окраине Млечного Пути, если самого этого Пути еще и в проекте не было?

Люди таковы, каковы они есть. С этим ничего уже не поделаешь. Да и зачем что-то делать? Им нравится думать о себе как о чем-то таком, ради чего Вселенная миллиарды лет корчилась в родовых муках – ну и ладно, нехай себе думают. И пусть никого не удивляет то, что гора родила мышь. Ну вот так случилось: родила – значит, родила. Это ведь как чесотка: когда чешется один – все смотрят на него с неодобрением, если же чешутся все, то странным кажется тот, кто не чешется.

Альтеров отличает от людей то, что в их геноме активируется ген, дающий возможность выходить из-под контроля собственного разума. Это означает, что альтеры способны на то, что, с точки зрения здравомыслящего человека, представляется невозможным. То, что запрещает делать разум. А еще этот ген заставляет альтера пить кровь. Без этого не стать истинным альтером.

Разумеется, этот ген имеется в геноме каждого человека. Но что проку от молчащего гена? Не больше чем от зажигалки без газа. Однако сей факт означает, что альтер может появиться в любой семье. Даже в такой, в которой альтеров отродясь не было. Все дело в генетической механике, которая, действуя путем случайного перебора различных комбинаций, в какой-то момент находит нужный ключик – то са-

мое сочетание аминокислот, которое активирует ген, превращающий обычного человека в альтера.

Но то, что должно было стать величайшим даром, в нашем безумном мире становится безмерным проклятием. Всего лишь один активный ген ставит альтеров в мире людей вне закона. С точки зрения извращенной человеческой логики есть плоть других живых существ – это нормально, а вот пить кровь – это уже преступление. Хотя даже кровяную колбасу никто вроде бы не запрещал. Жевать – можно, пить – нельзя. И мне почему-то кажется, что это правило появилось задолго до сказок о вампирах. Быть может, причина в том, что самим фактом своего существования альтеры подрывали в людях веру в их собственную исключительность?..

Разные мысли приходят в голову, когда читаешь книги. И чем больше читаешь, тем интереснее мысли. А я очень люблю читать. Если бы у меня не было других дел, я бы читал целыми днями. Лишь временами делая паузы для того, чтобы поесть, принять душ или прогуляться по окружающему мой дом заснеженному парку. Гулять мне тоже нравится, но все же меньше, чем читать. Было бы просто замечательно, если бы удавалось совместить оба эти занятия. Но, сколько я ни пробовал, ничего не получается. Все время одно из двух дел непременно отходит на второй план. Либо читаешь и не помнишь, что прочел, либо погружаешься в водоворот слов и уже не замечаешь, где находишься. В общем, я решил, что не стоит путать одно с другим. В конце концов, у меня ведь

бездна времени. Столько, сколько никогда не было и никогда не будет ни у одного человека и ни у одного другого альтера. Когда-нибудь я, наверное, захочу попутешествовать. Чтобы воочию увидеть все те места, про которые я пока только читаю в книгах. Но это будет позже. Когда мир будет принадлежать мне. Пока же я развлекаюсь тем, что пробую различные блюда, которые упоминаются в книгах, которые я читаю.

Если вы считаете, что один человек не в состоянии покорить целый мир, вспомните историю Иисуса из Назарета. Что бы было, если бы он не позволил распять себя?.. У вас сразу же закрадывается мысль, а не был ли Иисус альтером? Разочарую вас – нет. Иисус не был альтером потому, что его вообще не было. Ни в Назарете, ни в Иерусалиме. Нигде и никогда. Это вымышленный литературный персонаж. Но если бы эта история произошла на самом деле, то можно не сомневаться, что Иисус был бы альтером.

Сейчас я живу в подмосковном поместье, кажется, восемнадцатого века. Трехэтажный дом с широким крыльцом, охватывающий парк двумя крыльями, отремонтирован, отреставрирован и содержится в идеальном порядке. За парком присматривает профессиональный садовник. Или, как сейчас принято говорить, ландшафтный дизайнер. Это мужчина пятидесяти двух лет, высокий, статный, но с выступающим брюшком, что сразу же выдает в нем любителя хорошего пива. Что мне в нем больше всего нравится – он всегда сосредоточен и молчалив. Он занят только своим делом – и

его не интересует то, что происходит вокруг. Зимой работы в парке немного, но по весне в помощь ему будут наняты еще двое или трое садовников.

Не знаю, кому принадлежало это поместье прежде. Мне это неинтересно. Но всего лишь несколько недель назад в поместье размещался так называемый пансионат номер сорок пять, служивший местом заключения группы альтеров. Среди которых был и я.

О годах, проведенных в пансионате, не хочется даже вспоминать. Да и зачем, если все это осталось в прошлом. А впереди у меня столько всего, что даже подумать страшно. Впрочем, это только так говорится, что страшно. На самом деле открывающиеся перспективы приводят меня в восторг, сравнимый разве что с тем, что накатывает, когда выпьешь пару полулитровых гемаконов крови кразу. А страшно должно быть тем, кто попытается встать у меня на пути. Я никому не желаю зла. Но и не подумаю щадить тех, кто попытается мне помешать.

Если прежде я жил в подвале, в крошечной комнатенке без окон, со стенами, обитыми войлоком, и с запертой на замок дверью, то теперь я перебрался на второй этаж. В моем распоряжении две просторные комнаты в центральной части здания слева от парадной лестницы, с огромными окнами, выходящими в парк. В одной – спальня, в другой – кабинет. Мне больше и не надо. После двадцати лет в одиночной камере большие пространства не то чтобы пугают, скорее ка-

жуются совершенно неуместными. Как огромный букет сре-
занных цветов, с трудом втиснутый в вазу с узким горлом.

Помимо доктора Карцева, в доме появились два челове-
ка из обслуживающего персонала. Оба мужчины тридцати с
небольшим лет, с невозмутимыми лицами и армейской вы-
правкой, которую не могут скрыть даже мешковатые серые
костюмы, в которые их нарядили. Прежде присматривающих
за нами охранников называли санитарями. Теперь они ста-
ли служащими. Они убираются в моих комнатах, доставляют
еду и книги, которые я заказывал, и выполняют разные мел-
кие поручения. Оба они спокойны, корректны, молчаливы и
исполнительны. Имен своих они не назвали. Поэтому одного
из них, с жиденькими светлыми волосами, гладко зачесан-
ными назад, я назвал Дживзом. Другого, с густыми черными
волосами, расчесанными на косой пробор и уложенными так
аккуратно, будто он только что вышел из салона, со щеками
и подбородком, чуть синеватыми от щетины, проступающей
даже на гладко выбритом лице – такое бывает только у нату-
ральных, жгучих брюнетов с очень светлой кожей, – я назвал
Арчи. Почему Дживз – понятно. А Арчи – честно говоря, и
сам не знаю. Просто мне показалось что это имя ему подхо-
дит. Самим же служащим абсолютно все равно, как я к ним
обращаюсь.

Доктору Карцеву очень хочется улизнуть из дома. Он ме-
ня боится и даже не пытается это скрывать. Но, помня наш
первый разговор после моего возвращения, он еще больше

боится разочаровать меня. А потому он старается быть столь же предупредительным и исполнительным, как Дживз и Арчи, вместе взятые.

Я заглянул в память Виктора Карцева, надеясь найти там информацию о тех якобы могущественных людях, которым принадлежит особняк, в котором я живу, и которые, разумеется, очень хотят со мной пообщаться. Но Карцев и сам мало что о них знает. Поэтому я даже не стал пытаться выловить что-либо из той каши, что творилась у него в данном разделе памяти. Зато я узнал, ради чего отлавливают альтеров и держат их потом в закрытых пансионатах. Прав был Соломон Шток – нас используют как дойных коров. Им нужна наша кровь, которая служит лекарством едва ли не от всех существующих болезней. Вот только в аптеке это лекарство не купишь. М-сыворотку невозможно достать ни за какие деньги. Ее получают только избранные – участники проекта «Вечность». Этого Карцев уже не знал, но об этом рассказывал кто-то из людей Штока, когда я находился в поселке вольных альтеров. Признаться, меня удивило то, что люди Штока знали о проекте «Вечность» значительно больше того, что было известно доктору Карцеву, который на него работал. Право же, извращенная система.

Если без обиняков, то от Виктора Карцева не было никакой пользы. Он передал информацию о моем возвращении и продиктовал мои требования, которые, вопреки его сомнениям, были приняты и незамедлительно удовле-

ны. Причем даже в более полном объеме, чем я обозначил. Так, например, о Дживзе и Арчи я не просил. Но, признаюсь, их молчаливое присутствие, а самое главное, их ненавязчивая готовность в любую секунду прийти на помощь были мне приятны. Доктора Карцева можно было со спокойной совестью выставить за дверь. Проку от него было не больше, чем от пыли под кроватью. Но я испытывал к нему какую-то по-человечески глупую, сентиментальную привязанность. Еще с тех времен, когда он был главным врачом пансионата номер сорок пять, а я – его пациентом. Мне было жалко расставаться с ним, как жалко бывает выбросить какую-нибудь старую, ненужную вещь. Кроме всего прочего, временами он был забавен. И, главное, я был абсолютно уверен, что он никогда меня не предаст. Он помнил меня еще забитым, едва не выжившим из ума альтером. И те перемены, что произошли во мне всего за месяц, вселяли в него едва ли не мистический трепет. Для него, атеиста, я был больше чем богом. Я был Мастером!

Кстати, внешнюю охрану нам тоже пришлось заменить после того, как я отформатировал мозги тем, кто не хотел меня сюда пускать. Говорят, они быстро восстанавливаются и уже сами пьют молоко из бутылочек.

Глава 3

Соломон

Протоптанная в снегу тропинка вилась меж невысокими еще сугробами, огибала березы, ныряла под разлапистые ветки елей. Тропинка петляла, кружила, пряталась за снежными заносами – как будто куда-то манила, звала, зазывала. Но на самом деле она никуда не вела. Описав широкий неровный круг, тропинка замыкалась в кольцо.

Такие тропинки-обманки, именовавшиеся не иначе как Уроборосы, во множестве оплетали лесной массив, окружающий поселок альтеров. Каждый год, как только выпадал первый снег, жители поселка, объединившись в группы, отправлялись их протапывать. А потом ежедневно гуляли по ним, дабы вид у тропинок был ухоженный. Основатель поселка и неформальный лидер сообщества вольных альтеров и примкнувших к ним людей Соломон Юрьевич Шток называл Уроборосы защитой от случайных прохожих.

В пяти километрах к западу от поселка альтеров располагались два садово-дачных товарищества, каждый домов на триста. В семи километрах к востоку находился недавно построенный коттеджный поселок, половина домов в котором были уже проданы и заселены. К северу местность была болотистая. Там, в десяти километрах от поселка, в низине, ле-

жали три торфяных пруда с темно-коричневой, почти черной водой, куда летом энтузиасты ходили рыбу ловить, а то и купаться. Зимой же там было малоллюдно. Зато с севера в пяти километрах от поселка проходила довольно оживленная автотрасса, соединяющая две железнодорожные станции. С одной стороны от трассы стояла деревня, похожая скорее на потерявший свой город окраинный микрорайон. По другую сторону дороги прежде находились фермы с прилегающими к ним выпасами. Когда фермерству пришел конец, в пустующих зданиях расположились какие-то сомнительные мастерские, производящие декоративную плитку, деревянную фурнитуру и картонные коробки. А вдоль дороги выстроились магазины, магазинчики, ларьки, кафешки, шашлычные, автомойки и мастерские. Появился даже мини-зоопарк с козлами, верблюдами и страусами в загонах. Понятное дело, в таком окружении велика вероятность, что кто-то случайно собьется с пути или намеренно решит срезать дорогу, пойдя через лес, и наткнется на поселок альтеров.

Все в округе знали, что в лесу находится коттеджный поселок, обнесенный высоким забором. В деревне ходили слухи, что там живут не то тайные миллионеры, не то бывшие мафиози. В гости туда никого не звали, поэтому никто и не ходил. От греха подальше. Однако от случайностей страховки не существует. Страховку придумал Соломон Шток, придав ей вид замыкающихся на себе тропинок.

В основе любой хитрости, как утверждал Соломон, лежит

элементарная психология. Наткнувшись на ухоженную тропинку, человек, не знающий местности, скорее всего, по ней и пойдет. А сделав круг и вернувшись на то же место, с которого начал, семеро из десяти махнут рукой и вернутся назад тем путем, каким пришли. Двое из трех оставшихся, прежде чем уйти, сделают еще один круг. Последний, относящийся к категории особо упертых, сделает минимум три круга.

Со временем, а именно три года спустя после начала по-вального увлечения Уроборосами, обитатели поселка начали склоняться к мнению, что теория закольцованных тропинок была не более чем шуткой Соломона Штока. Однако, когда Соломона исподволь подводили к разговору о Уроборосах, он лишь загадочно улыбался. А когда напрямую спрашивали о том же, он хранил суровое молчание.

Как бы там ни было, зимняя забава многим пришлась по душе. И, как только выпадал первый снег, жители поселка отправлялись протаптывать тропинки. Одни, превратив это дело в искусство, выписывали на снегу эмблемы и вензеля. Другие, отдавая дань спортивному духу, создали несколько видов состязаний по протаптыванию Уроборосов. У каждого был свой свод строгих или не очень правил и свои критерии оценки результатов.

К единственному въезду на территорию поселка не вели ни протоптанные тропинки, ни накатанные дороги. Не зная точно, где он находится, найти его было невозможно.

Прежде дачники, ругая всех и вся, тащились до своих

участков по разбитой, изрытой ямами грунтовой дороге. Которая в пору дождей делалась и вовсе непроходимой. Строительство нормальной дороги организовал все тот же Шток. Теперь дачники ездили по бетонке и ругали тех, кто сделал ее слишком узкой. На обочине четвертого километра бетонки штабелями в рост человека было сложено несколько десятков плит, которые по какой-то причине так и не пошли в дело. Две плиты были уложены на землю, перпендикулярно бетонке. Съехав по ним, нужно было обогнуть штабели плит, за которыми начинался совсем неплохой проселок.

Однако, проехав или протопав по проселку километра полтора, случайный проезжий или прохожий упирался носом или бампером в старый, покосившийся шлагбаум с прибитыми к нему таким же древним запрещающим знаком и доской с поясняющей надписью «Проезд закрыт!». Шлагбаум оберегал не знающих дорогу путников от падения в овраг шириной в три метра и глубиной метров в пять, а то и больше, заваленный старыми, драными крышками, сломанными ящиками, ржавыми консервными банками, битыми бутылками и еще неведь каким хламом. Преодолеть этот ров невозможно было даже на очень крутом внедорожнике. Спуститься же в него на своих двоих мог решиться только форменный безумец. Мало кому за пределами поселка было известно, что над созданием инсталляций «Ров» и «Плиты» работал проживающий здесь же, в поселке, художник-акционист Владимир Скоробогатов. Он не был альтером, но у него

тоже имелись причины скрываться. Владимир Скоробогатов прославился своими перформансами, которые мало кто понимал. Власть же, как известно, видит крамолу во всем, что понять не в состоянии. Поэтому Скоробогатову за его художества грозило несколько вполне реальных уголовных статей.

Случайному путнику не оставалось ничего иного, как только повернуть назад. Тем более что прямо перед шлагбаумом имелась удобная площадка для разворота.

Если же перед шлагбаумом оказывался житель поселка, он брал в руку дистанционный пульт, направлял его на кривую сосну, растущую по другую сторону рва, и нажимал кнопку. В ту же минуту, будто по мановению волшебной палочки, кривой шлагбаум исправно поднимался – и широкий, крепкий выдвижной мост, способный выдержать пятитонную фуру, ложился через ров. За мостом же начиналась засыпанная крупным щебнем ровная, накатанная дорога, ведущая напрямиком в поселок.

Дороги, как положено, вели из пункта «А» в пункт «Б». А тропинки вились Уроборосами.

Сейчас по тропинке шли двое. Они просто прогуливались. Но время от времени в тех местах, где снег осыпался на тропу, они, как было заведено, утапывали его. День был морозный, но пасмурный. Небо то ли собиралось обрушить на людей груды снега, то ли просто хмурилось по какой-то своей, непонятной даже метеорологам причине. Один

из гуляющих, тот самый Соломон Юрьевич Шток, что придумал Уроборосы, был одет в темно-синюю финскую пуховую куртку с откинутым на спину капюшоном, застегнутую на молнию до самого верха широкого, стоячего воротника, в котором Соломон прятал аккуратную светло-русую бородку. Снизу из-под куртки видны были изрядно поношенные светло-голубые джинсы. Голову Соломона плотно облегла вязаная спортивная шапочка малинового цвета. Второй был в таких же синих джинсах, только поновее, и в черной кожаной куртке, явно не подходящей к сезону. Голова его была повязана черной банданой с разноцветными черепами. Звали его Дмитрий Рапушкин, но друзья, как правило, называли его просто Димонем. Один только Соломон с самого первого дня их знакомства настойчиво продолжал именовать Димона Дмитрием. Шток был вдвое старше своего спутника, но разговаривали они вовсе не как наставник с учеником, а как старые друзья. При этом Димон не забывал выказывать Соломону должное уважение.

– Тебе не холодно? – участливо осведомился Соломон. – Одежка на тебе уж больно легкая.

– Да нет, нормально. – Димон на ходу зацепил пригоршню снега, слепил снежок и перекинул его из одной руки в другую. – Я свитер под куртку надел.

– Так и будешь всю зиму в этой кожанке бегать?

Димон пожал плечами:

– По погоде. Зимы-то последнее время сам знаешь какие.

Не зима – одно название.

Соломон поглубже засунул руки в карманы. По его меркам, уже и сейчас было достаточно холодно для того, чтобы как следует утеплиться.

– Парни наблюдают за окрестностями?

– Днем и ночью.

– Внимательно?

– Еще бы.

– И что?

– Я же докладывал – все спокойно. Как будто ничего не произошло.

– Ну, собственно... – Не закончив фразу, Соломон умолк.

Димон метнул снежок в ствол растущей в стороне от тропинки сосны. Разбившись о светло-коричневую кору дерева, снежок оставил на ней белую нашлепку.

– Не нравится мне все это, – угрюмо произнес Димон. – Пропал альтер – и как будто ничего не произошло. Никто его не видел, никто понятия не имеет, куда он мог направиться... словно в воздухе растворился... Будто не было его вообще... И ведь не только мы не смогли его отыскать – ловчим он тоже не попался! А он между тем двадцать лет просидел в пансионате, у него ни друзей, ни знакомых, ни денег, ни документов. Где он, мрак его, прячется?

Соломон втянул голову в плечи так, что нос почти коснулся края воротника.

– Что не так с этим Муромским? – продолжал наседавать на

него Димон. — Я же видел, какие у вас с доктором Снайдеровым были лица, там, в доме для новичков, когда он пропал. Вы были не просто растеряны, а напуганы. Напуганы, Соломон! А я ведь был уверен, что тебя вообще невозможно чем-то напугать. Что происходит, Соломон?

— Я был бы рад ошибиться, — медленно, в такт неторопливым шагам начал Шток. Вместе со словами из-под воротника вылетали ключья пара. — Но, судя по всему, Алексей Муромский стал Мастером. Вениамин Павлович в этом абсолютно уверен. Кана, которую мы пригласили на место происшествия, тоже это подтвердила. Она ничего не знает о Мастере, но все равно поняла, почувствовала, что Алексей стал другим, не просто воплощенным альтером.

— Разве есть другая ступень после воплощения? — удивленно спросил Димон.

— Похоже, что есть.

Вильнув из стороны в сторону, тропинка скользнула между двумя невысокими елями. Проходя мимо, Димон с Соломоном плечами задели ветки, каждый со своей стороны, и с деревьев посыпался снег.

— Ты никогда не говорил об этом.

В голосе Димона отчетливо прозвучала обида. Да он и не пытался это скрыть. Соломон был человеком, которому он доверял так же, как себе самому, если не больше. И он был уверен, что Соломон ничего и никогда от него не скрывает. Однако ж, оказывается, у Штока имелись свои секреты.

Соломон остановился, придавил ногой горку рыхлого снега.

– С появлением проекта «Вечность» из истории принялись вымарывать все упоминания об альтерах, – начал он, глядя не на Димона, а себе под ноги. – То, от чего избавиться было невозможно, обратили в страшные сказки о вампирах. Это был очень коварный ход. В результате стало почти невозможно не только отыскать истину, но и отличить правду от вымысла. Кем на самом деле был граф Дракула?

– Валахским господарем Владом Цепешем, – не задумываясь, ответил Димон.

– Это мы сейчас так считаем. Почему же тогда Брэм Стокер сделал его главой клана вампиров?

– Это только его фантазия.

– Да? – Повернув голову, Соломон посмотрел на Димона. – А может, у него имелись документы, свидетельствующие о том, кем был на самом деле Влад Цепеш?

– Он был Мастером?

Соломон взмахнул рукой, будто разгоняя мрак, мешающий ему как следует рассмотреть то, что находилось вокруг.

– Насчет Дракулы мне ничего не известно. Я привел его как пример, поскольку все о нем знают. Или считают, что знают. На самом же деле специалисты из «Вечности» так хорошо поработали над древней историей, что я, признаться, уже ни в чем не уверен. Ну а история двадцатого века так и вовсе вся скроена из подлогов и фальшивок. В это время

«Вечность» уже серьезно взялась за работу и старательно заметала следы своей деятельности. Тем не менее зарубежным специалистам, занимающимся историей альтеров, с некоторыми из которых я поддерживаю контакты, удалось обнаружить ряд любопытных документов, в которых упоминались альтеры, титулованные как Мастера. К сожалению, подтвердить подлинность этих документов не удалось, поэтому не могло быть уверенности в том, что это не фальшивки, сработанные с какой-то неизвестной нам целью в стенах «Вечности».

С неба начал сыпать мелкий, нудный снег. Погода определенно портилась.

– Доктору Снайдерову ты о Мастерах рассказал, – все еще с обидой заметил Димон.

– Я лишь поделился с ним информацией после того, как он рассказал мне то, что было известно ему. Он наткнулся на упоминание о Мастерах в совершенно других, неизвестных мне источниках. Которые также, увы, нельзя считать абсолютно достоверными. Насколько можно судить по тем документам, с которыми мне довелось иметь дело, Мастер – это высшая стадия воплощения альтера. Доминиканский монах Иеронимус Кресп, фрагменты безымянного трактата которого были обнаружены несколько лет назад в муниципальном архиве Ганновера, пытался увязать альтеров с историей тамплиеров. По сохранившимся страницам его работы, которая в оригинале, по всей видимости, была весьма объем-

ной, трудно судить, насколько обоснованы были его воззрения. Однако Кресп утверждал, что стать Мастером по собственному желанию невозможно. Для того чтобы воплощенный альтер стал Мастером, должно сойтись вместе множество самых разных факторов. Прежде всего альтер со дня своего воплощения должен быть «поденно на крови».

– То есть он каждый день должен пить кровь?

– Именно.

– Вениамин Павлович говорит, что так можно и здоровье подорвать. Это все равно что питаться одним сахаром.

– Если ты не Мастер.

– Альтеров в пансионатах ежедневно заставляют кровь пить. Но они там еще и на поддерживающей терапии сидят. Это ведь тоже не проходит без последствий.

– Если ты не Мастер, – повторил Соломон.

– Выходит, Мастером надо родиться?

– Кто знает, – выдохнул облачко белого пара Соломон. –

Во всех известных нам историях появление Мастера окутано тайной. Он возникает как бы ниоткуда. Уже взрослый человек, полностью сформировавшаяся личность. Однако исследователи этого вопроса сходятся во мнении, что перед своим перерождением будущий Мастер, как правило, проходит через мощный катарсис. С ним происходит нечто такое, что ломает, разбивает вдребезги, выворачивает наизнанку все его былые представления о мире и о самом себе. После чего он начинает совершенно иначе оценивать свое место в этом ми-

ре.

– То есть у него напрочь сносит крышу, – подытожил Димон.

– Вроде того, – согласился Шток.

– А потом?

– Разные авторы называют массу других факторов, которые, по их мнению, способствуют перерождению будущего Мастера. Но, поскольку большинство сохранившихся документов относится к Средневековью, все они носят весьма умозрительный характер. Авторы пытаются проводить параллели, многие из которых нам сегодня просто не понять. Так, например, алхимик и философ, как он сам себя величает, Франциск Хоэм говорит о том, что будущий Мастер должен непременно соблюдать обет целомудрия и по крайней мере раз в неделю его должны сечь розгами. Кларен Блихсен, именующий себя личным врачом и парфюмером его чести барона Отто Шпанка, придает большое значение особой диете, включающей полный отказ от алкоголя и гусиной печени. Астролог Курт Гранель описывает ряд магических обрядов, которые, по его мнению, помогают Мастеру не только обрести силу, но и контролировать ее. Рене Вильнер Райнхар связывает появление Мастера с фазами луны и шириной разлившихся рек.

Все это с легкостью можно счесть вымыслом средневековых псевдоученых. А поскольку никакой дополнительной информации из других источников об авторах этих стран-

ных документов найти не удалось, можно решить, что все это чья-та мистификация. Если бы не документ, обнаруженный доктором Снайдеровым. Вениамину Павловичу удалось за-получить всплывшую каким-то образом во Франции машинописную копию отчета некой Специальной медицинской лаборатории при Особом ведомстве – так тогда именовалось советское отделение проекта «Вечность» – за тысячу девять-сот пятьдесят первый год. Документ подписан профессором Седовым и уполномоченным Особого ведомства Гниловым. В отчете речь идет об экспериментах, проводившихся в те-чение трех лет, с тысяча девятьсот сорок седьмого по тысяча девятьсот пятьдесят первый, в возглавляемой Седовым ла-боратории. Целью экспериментов, как указано в отчете, бы-ло «получение новой, улучшенной породы альтера, которая в дальнейшем будет именоваться «Мастер». – Не то охнув, не то фыркнув, Соломон выпустил облако пара из-за ворот-ника. – Перед Седовым была поставлена задача получить су-перальтера, который один будет давать столько М-сыворот-ки, сколько обычно дают десять других.

– Почему бы тогда не использовать старые добрые мичу-ринские методы? – мрачно хмыкнул Димон.

– Это они уже прошли. Седов начинает свой отчет с того, что «как известно, скрещивание двух альтеров не приводит к рождению нового альтера». Ну а поскольку генетика в то время в Советском Союзе именовалась не иначе как «про-дажной девкой империализма», ученые-особисты, в полном

соответствии с господствующей в советской науке безумной теорией Трофима Лысенко, взялись за «переделку природы» альтеров. Однако использовали они при этом все те же средневековые методы. Для своих работ Седов выбирал альтеров, не менее десяти лет ежедневно принимавших кровь. Их принуждали соблюдать самые разные диеты, не давали спать, держали в полной темноте, изнуряли физическими упражнениями, заставляли заучивать огромные, бессмысленные тексты, укладывали в ледяные ванны, обкуривали благовониями... Все эти действия Седов подробно и педантично описывает в своем докладе. Отдельным разделом проходят, как он это называл, «методы принудительного физического воздействия». Альтеров пытали электричеством, жгли огнем, травили газами, отрезали им пальцы, заживо хоронили...

– Да это безумие какое-то, а не наука! – не выдержав, перебил Димон. – Эти документы следует придать гласности! Все должны узнать, что творят эти гады!

Соломон еще ниже наклонил голову. С шапки посыпался налипший на нее снег.

– Я испытал те же чувства, когда впервые прочитал этот документ. И подумал о том же самом. Но, сопоставив все «за» и «против», понял, что это принесло бы нам больше вреда, чем пользы. Все, что мы можем сделать, – это слить отчет в Интернет. Но даже если распространение его не будет вовремя заблокировано спецслужбой «Вечности», если в ответ на публикацию возникнет какой-то общественный

резонанс, мы не сумеем доказать подлинность отчета. Как я сказал, Вениамин Павлович заполучил лишь машинописную копию отчета Седова. Да и та была снята не с оригинала, которого никто не видел, а с другой копии. Документ будет объявлен фальшивкой, а нас назовут фальсификаторами, готовыми идти на любые ухищрения, дабы опорочить честные имена тех, кто ведет с нами святой и правый бой. На этом все и закончится. – Шток вытащил из кармана руку в кожаной перчатке и указательным пальцем ткнул Димона в плечо. – Та же история, что и с твоим захватом пансионата. Если бы ты прежде как следует подумал, то не стал бы этого делать.

– Ой, ну ладно, – недовольно поморщился Димон. – Хватит уже об этом.

– Нет, не хватит! – строго осадил его Соломон. – Ты хотел устроить показательную акцию, освободив нескольких альтеров. А что в результате? Обвинения в терроризме и беглый альтер, скрывающийся неизвестно где!

Димон благоразумно решил не искушать судьбу и вернулся к прежней теме.

– Седов, надо полагать, ничего не добился? – спросил он.

– Нет. – Соломон снова спрятал руку в карман. – Но, расписавшись в собственных неудачах, он тут же предложил новый подход к решению поставленной перед ним задачи. В конце отчета профессор Седов спрашивает у своих кураторов разрешение перейти к «прямому стимулированию мозга альтера». Что он под этим подразумевал, я даже думать не

хочу. Ясно, что, если после рассмотрения предоставленного отчета профессора Седова не сняли с должности, он искалечил, а то и убил еще немало альтеров. Однако тот факт, что в своих работах он руководствовался указаниями средневековых специалистов, свидетельствует о том, что найденные нами документы подлинные. Следовательно, можно утверждать, что крайне редко, не чаще чем раз в столетие, а может, и того реже, по непонятным пока причинам среди альтеров появляется Мастер.

– Ну, хорошо, появляется Мастер. – Димон быстро приотпал осыпавшийся на тропинку снег. – И что он собой представляет?

– Говоря современным языком, это Суперальтер.

– Это я понял, – коротко кивнул Димон. – Что конкретно он может?

– Если каждый из истинных альтеров наделен какой-то уникальной способностью, то Мастер обладает всеми сразу. А еще он может такое, на что не способен ни один альтер.

– Ясно, – снова кивнул Димон. – То есть на что он реально способен, ты не знаешь?

– Этого не знает никто.

– Тем не менее ты уверен, что Муромский – это новый Мастер.

– Скажем так, я хотел бы в этом усомниться, но у меня нет повода. Муромский двадцать лет провел в пансионате, ежедневно принимая кровь. Он попал туда тринадцатилет-

ним мальчиком, поэтому, когда ты вытащил его оттуда, это, надо полагать, оказало на Алексея сильное эмоциональное воздействие. Затем он резко отказался от крови, что привело к гематокризу. Вениамин Павлович утверждает, что ни один альтер в состоянии гематокриза не смог бы самостоятельно даже шагу ступить. А Муромский сумел проползти по галерее, спуститься вниз по лестнице и добраться до холодильника, в котором хранились гемаконы. После этого он выпил сразу несколько литров крови, что не могло не закончиться гематоксикозом. Все это буквально перетряхнуло его организм на биохимическом уровне. Да и на психике не могло не сказаться. Мне очень хотелось верить в то, что произошедшие с Муромским изменения носили временный характер. Ну, вроде как хлебнул лишнего, малость почудил, но потом пришел в себя. Однако прошло две недели, а о нем ни слуху ни духу. – Рукой, затянутой в перчатку, Соломон стряхнул снег сначала с левого плеча, затем – с правого. – Рад буду ошибиться, но, скорее всего, Муромский стал Мастером.

– Ну, стал, и ладно, – с показным небрежением дернул плечом Димон. – Сбежал – ну и пусть себе бегают. Нам-то что? Тебя беспокоит то, что он знает, где находится поселок? Но если он истинный Мастер, то ловчим его нипочем не взять. Так ведь?

– Меня тревожит то, что я не могу понять, при чем тут «Улисс»? – задумчиво глядя себе под ноги, произнес Соломон.

– Что? – непонимающе посмотрел на него Димон.

– «Улисс». Роман Джеймса Джойса. Муромский читал его перед своим перевоплощением. И, уходя, забрал книгу с собой.

– Может быть, она ему просто понравилась? – не очень уверенно предположил Димон. Потому что понимал, что, ежели Соломон заговорил об этом, значит, все совсем не так-то просто.

– «Улисс» – роман, способный перевернуть сознание, – все так же задумчиво произнес Соломон. – Он способен заставить человека взглянуть на мир другими глазами. В каком направлении «Улисс» развернул мировосприятие Муромского? – Шток бросил вопросительный взгляд на спутника. – А?

Димон озадаченно наморщил нос и через бандану поскреб затылок. Пять лет назад он прочитал «Улисса». От корки до корки. Но вовсе не потому, что роман захватил его, а потому, что на этом настаивал Шток. Соломон в категорической форме потребовал, чтобы все семеро воплощенных альтеров, вместе с которыми он в свое время основал поселок, прочитали этот роман. Димон оценил «Улисса» по достоинству. Несомненно, это было выдающееся литературное произведение. В безбрежном потоке сознания, что вылился на читателей Джойс, вне всяких сомнений, можно было утонуть. Димон ощущал это почти физически: стоило ему ненадолго ослабить внимание, как словесный поток подхва-

тывал его, выталкивал на стремнину и увлекал за собой. Вот только куда именно – не разберешь. В чем заключался смысл романа, Димон так и не понял. То есть он чувствовал, что смысл где-то рядом, но ухватить его так и не смог. Когда же он спросил у Соломона, зачем нужно было читать эту книгу, тот с серьезным видом ответил: «В свое время поймешь». Выходит, это время как раз сейчас и наступило?

– А что говорят об этом средневековые знатоки? – спросил он.

В самом деле, «Улисс» был полностью издан только в тысяча девятьсот двадцать втором. Что или кто указывал путь Мастерам прошлого, когда «Улисса» еще и в помине не было?

– В шестнадцатом веке Мастер по имени Мигель де Отеро поднял восстание альтеров в испанской провинции Льейда. В районе Валь-д'Аран альтеры захватили три небольших города и провозгласили независимость. Людям, которые признали новую власть и новые законы, позволено было остаться. Прочие же смогли беспрепятственно покинуть территорию самопровозглашенного государства. Республика Валь-д'Аран просуществовала семь с половиной лет. На восьмом году ее существования объединенные силы французов и испанцев сломили сопротивление повстанцев и устроили в Валь-д'Аране резню. Убиты были все, кто не сумел скрыться, включая местных священников, которые, по мнению пришлых святош, продали души Дьяволу.

Еще один Мастер объявился два столетия спустя во времена Великой французской революции. По утверждению автора обнаруженных нами мемуаров, подлинное имя его было никому не известно, повсюду он фигурировал под псевдонимом Террю. По утверждению мемуариста, этот самый Террю был серым кардиналом революционного правительства. Именно он является идеологом якобинской диктатуры, с его подачи был создан Революционный Трибунал и начата кровавая вакханалия, получившая название Эпоха Террора.

Я не берусь судить действия Мигеля де Отеро и Террю. Нам слишком мало о них известно, чтобы выносить какой бы то ни было вердикт. Однако нельзя пройти мимо нескольких существенных моментов. Первое: нам ничего не известно о детских и юношеских годах будущих Мастеров. Второе: мы не знаем, удалось ли кому-то из Мастеров достигнуть цели, которую он перед собой ставил. Революционный террор или резня в Валь-д'Аране могли быть вовсе не целью, а лишь средством ее достижения. Третье: мы понятия не имеем, что происходило с Мастерами после описываемых событий. Нет ни одного достоверного сообщения о смерти Мастера. И, наконец, четвертое: Мастера становятся непосредственными участниками событий, ведущих к кардинальным переменам в обществе. Вопрос в том, являются ли они сами катализаторами этих перемен или же, обладая выдающимися аналитическими способностями и сверхинтуицией, превращающей их в пророков, они всегда оказываются в нужное

время в нужном месте?

– Я так понимаю, все в конечном итоге сводится к вопросу, чем собирается заняться Муромский?

– Именно. Я более чем уверен, мы до сих пор ничего о нем не слышали только потому, что он еще не принял решение.

– Не наметил для себя цель?

– Точно.

– А какие вообще у него могут быть цели?

Соломон громко фыркнул и взмахнул обеими руками, как будто подбросил в воздух большого, тяжелого индюка, пытаясь заставить его лететь.

– Какая цель у реки? Какая цель у ветра?..

– Не нагнетай, Соломон, – расслабленно усмехнулся Димон. – Мы говорим не о природных стихиях, а о человеке. Может, он и обладает кучей выдающихся способностей, но перво-наперво он – человек. Может, он умнее и быстрее нас, но им движут те же самые эмоции.

– В этом я как раз не уверен, – покачал головой Соломон.

– Я в жизни не встречал человека, не подверженного эмоциям. Просто некоторые очень искусно это скрывают.

– Хотел бы я быть в этом так же уверен.

– Ладно! – Димон хлопнул в ладоши и как следует потер одну о другую. – Так какой у нас теперь план?

Соломон спрятал улыбку за воротником. В этом был весь Димон – для него главным было действие. Классический буддистский постулат «Сиди на берегу и жди, когда река про-

несет мимо трупы твоих врагов» был явно не для него. Буддизм и Димон – вещи абсолютно не совместимые. Порой Соломон сетовал на нетерпеливость Димона. Но в то же время он понимал, что Димона следовало принимать таким, каков он есть, потому что перекрыть его невозможно.

– Что мы должны делать? – задал новый вопрос Димон.

– Жить как прежде, – ответил Соломон.

– То есть ничего? – обескураженно уточнил Димон.

– Тебе что, нечем заняться? – с показной строгостью осведомился Шток.

– Я не о том. – Димон потрянул головой так, что снег с концов банданы полетел в разные стороны. – Я конкретно о Муромском. Если он Мастер...

– Если он Мастер, – перебил Соломон, – тогда первый ход за ним.

Судя по укусно-кислому выражению Димонова лица, он был не согласен с такой постановкой дела. Категорически не согласен.

– У тебя есть какие-то предложения? – спросил Соломон, чтобы не оставалось ничего недосказанного.

– Это ты у нас стратег. – Димон отвернулся в сторону.

Ему было что предложить. Но он заранее знал, какие его идеи Соломону не понравятся. Поэтому и не стал озвучивать те, что имелись.

Несколько минут они шли молча. Ветер крепчал, а пелена сыплющего с неба снега становилась все плотнее. Соломон

накинул на голову капюшон. Тропинка резко повернула направо, обогнула кривой ствол березы и так же внезапно повернула в другую сторону.

– Наверное, пора возвращаться, – сказал Соломон.

Ему не было холодно, но дома его ждало много дел. По большей части – рутина. Но и ей нужно было заниматься. Соломон для того и пригласил Димона на прогулку, чтобы можно было поговорить спокойно, с глазу на глаз, так, чтобы никто не мешал. Дома это сделать было невозможно. Соломон никогда не запирает дверь и никогда не разворачивал гостей с порога. Зная эту его особенность, к нему то и дело наведывались жители поселка с вопросами, проблемами, предложениями, решениями, а то и просто так, перекинуться парой слов, новостями поделиться или рассказать свежий анекдот.

Обогнув еще одну березу и свернув за невысокую разлапистую елку, Соломон сошел с тропы и двинулся в сторону от нее по снежной целине. Димон шел за ним, стараясь ступать след в след. Теперь ветер дул им прямо в лицо, колючие снежинки царапали щеки и лоб. Димон уперто шел вперед, не пригибая головы. Он не собирался кланяться какой-то непогоде. Соломон натянул капюшон до бровей, а глаза прикрывал ладонью.

– Да, и вот еще что! – громко произнес Соломон, глянув на Димона через плечо. – Как там дела у Шинкаревых?

– Нормально все вроде бы, – буркнул в ответ Димон.

– Что? – Соломон сделал вид, что из-за ветра не расслышал ответ.

– Все хорошо, говорю! – громче повторил Димон.

– Ты поговорил с Верой?

– Ага.

– Ну и как?

– Она не хочет, чтобы ее брат становился альтером. Говорит, дождусь, когда минует кризис, и уйду от вас.

– Плохо дело.

– Ну, не она первая...

– Поговори с ней еще раз.

– Она не желает со мной разговаривать.

– Почему?

– Считает, что я могу заставить ее делать то, чего она сама не хочет.

– Глупость какая!

– Женщина – что с нее возьмешь.

– Ты должен убедить ее не делать глупости!

– Почему я?

– Она доверяет тебе больше, чем кому-либо еще в поселке.

– У нее с Мартой неплохие отношения.

– Кого и в чем может убедить Марта? – Соломон на ходу развел руки в стороны, давая понять, что вариант с Мартой его совершенно не устраивает. – Я поручил это дело тебе, Дима, и ты обязан довести его до конца. Андрей Шинкарев

должен стать истинным альтером. Для нас очень важен этот ребенок. Сейчас даже больше, чем прежде.

– Почему? – насторожился Димон.

Соломон снова сделал вид, что не расслышал слов Димона за ветром.

Димон был озадачен. Соломон явно уходил от разговора. Такого прежде за ним не водилось.

Глава 4

Куратор

Муромский сидел за большим письменным столом, спиной к окну, прикрытому легкой, полупрозрачной шторой. За окном сияло солнце. Было настолько светло, что воздух, казалось, мерцал. В комнате витал аромат лаванды с легкой примесью бергамота.

Слева и справа от Муромского стояли включенные экраны. Небольшие, всего на восемнадцать дюймов. Судя по приглушенным звукам, на том, что слева, шел какой-то фильм. Между мониторами на специальной подставке в форме двух вставших на дыбы единорогов стояла раскрытая книга. «Алексей Калугин» – прочитал на обложке Бапиков. Имя это ни о чем ему не говорило. Но на всякий случай он его запомнил. В комнате было очень много других книг. Помимо двух больших книжных шкафов, забитых до отказа, книги лежали стопками на рабочем столе, на широких подоконниках, прямо на полу и даже в креслах. Помимо книг и экранов на столе было очень много мелких предметов, которые Бапиков обозначил для себя одним словом: хлам. Разноцветные авторучки, блокноты и блокнотики (один с котятками на обложке), стеклянные шарики, маленькие пластиковые фигурки мультяшных героев, сувенирные флэшки, па-

рочка ни на что не похожих костлявых уродцев, трое круглых карманных часов с цепочками, кистевой эспандер, три большие кружки (на одной – «Битлз», на другой – спин-протектор и надпись «Музей мадам Тюссо», на третьей – профиль человека, которого ни с кем невозможно спутать, и адрес «Бейкер-стрит, 221б»), несколько брелоков самых разных форм, китайский колокольчик... Там было много еще чего, что Бапиков, не раздумывая и не колеблясь, смахнул бы в мусорную корзину. По мнению куратора, на столе должно находиться только то, что необходимо для работы. Включая, разумеется, чашку с чаем – одну! – и блюдо с теплыми еще пирогами, прикрытыми салфеткой.

Слева от стола, у стены, заложив руки за спину, неподвижно стоял служащий в сером костюме, с зачесанными назад светло-русыми волосами.

На столе перед Муромским стояло большое, круглое блюдо с аккуратно и красиво разложенными на нем чудесами японской кулинарии. Бапиков экзотики в еде не признавал. Японская кухня так и вовсе была, по его мнению, не едой, а баловством. Поэтому куратор понятия не имел, как называлось то, что приготовился вкушать альтер. А уж из чего все это было сделано, Бапиков даже думать не хотел. Собственно, ему это было все равно. Куратор ежедневно получал отчеты о том, что за блюда заказывает Муромский. И он знал, что никаких особых предпочтений в еде у альтера не было – всякий раз он выбирал что-нибудь новое.

Поводив кончиками палочек над блюдом с едой, Муромский выбрал то, что ему приглянулось, и ловко ухватил какой-то розовый кусочек на белой подложке. Уже поднеся еду ко рту, он вдруг вспомнил о гостях, что так и стояли у двери. Вернее, сделал вид, что вспомнил. На самом деле он ни на секунду о них не забывал, но, следуя советам классиков, выдерживал паузу.

– Не желаете ли разделить со мной трапезу? – учтиво осведомился Муромский.

– Благодарю, мы уже откушали, – не менее церемонно отказался Бапиков, даже не взглянув на стоявшего рядом Шаркова.

Муромский изобразил на лице сожаление, после чего обмакнул суши в соевый соус и отправил лакомый кусочек в рот.

Прожевав и проглотив пищу, он удовлетворенно наклонил голову и приложил к губам краешек накрахмаленной салфетки.

– Тогда, прошу вас, присаживайтесь.

Бапиков выразительно посмотрел на кресло с изогнутыми ножками, округлой спинкой и розовой атласной обивкой. Судя по всему, кресло было удобное и мягкое, вот только сиденье его было завалено книгами.

Муромский сделал знак служащему и тот живо освободил кресло от книг, просто переложив их на пол.

Бапиков сел в кресло, откинулся на спинку и непринуж-

денно закинул ногу на ногу.

Шаркову досталось кожаное кресло лимонно-желтого цвета. Игорь сел аккуратно, держа спину прямо, и положил на колени планшет. Он был похож на вышколенного секретаря, без тени нетерпения ожидающего указаний от босса. Исполнитель и руководитель – эту игру придумал Бапиков, решив, что играть в плохого и хорошего полицейских с Муромским не имеет смысла. Но если есть два человека, значит, должны быть и две разные модели поведения. Хотя бы только для того, чтобы посмотреть, на какую из них лучше среагирует альтер. Для них сейчас была важна любая, даже самая незначительная информация. Выуживать что-то стоящее из бессвязной болтовни Карцева, сильно смахивающей на неконтролируемый поток сознания, было все равно что, ковыряясь палкой в иле на дне пруда, пытаться отыскать оброненный в воду пятак. Отчеты агентов, которых Муромский прозвал Дживзом и Арчи, были аккуратно составлены, но содержали лишь сухие, малоинтересные факты: во сколько наблюдаемый встал, как долго пробыл в туалете, сколько раз глянул в окно...

Муромский подхватил палочками щепоть салата из маринованных овощей, сбрызнутых остро-сладким соусом.

– Время за едой я считаю наиболее подходящим для беседы, – сообщил он гостям, прежде чем положить салат в рот.

Бапиков в ответ натянуто улыбнулся. Куратор полагал, что слова Муромского – утонченная издевка. Альтер сам на-

значил встречу на два часа дня. А теперь оказывается, что и обед у него в то же самое время. И, дабы время не терять, он совмещает первое и второе. То есть визит куратора сектора Комитета Вечной Безопасности для него не более значим, чем завернутый в омлет кусок сырой рыбы, который он сейчас старательно вымачивает в соевом соусе. Такое отношение к делу куратору, разумеется, не нравилось. Но при этом он вовсе не считал свою гордость уязвленной. При чем тут гордость – это всего лишь работа. К тому же Муромский ежели кого и намеревался уязвить, то только не лично Юрия Станиславовича Бапикова. Альтер целил выше. В систему как таковую. Он хотел показать, что не является и не собирается становиться ее частью. Что он один значит больше, чем вся «Вечность», вместе взятая. Что ж, пускай так и думает. Чрезмерно уверенный в себе противник чаще совершает ошибки.

Муромский улыбнулся и подцепил палочками ярко-оранжевый ролл. Взгляд его при этом скользил по строкам стоящей на подставке книги.

– Я не совершаю ошибок, – сказал он, прежде чем отправить еду в рот.

– Надеюсь, что так, – и глазом не моргнув, ответил куратор.

Карцев предупреждал, что Мастер умеет читать мысли. Теперь Бапиков и сам убедился в том, что так оно и есть. Хотя все же куратор склонялся к мнению, что это не чте-

ние мыслей как таковое, а некий хитрый трюк. Что-то вроде угадывания мыслей собеседника по выражению его лица, движениям глаз, едва заметному подрагиванию мимической мускулатуры. Бапиков встречал в литературе упоминания о подобных фокусах, которые могли проделывать самые обыкновенные люди, не наделенные экстрасенсорными способностями. Для этого всего-то и требовались, что наблюдательность и опыт.

– С помощью подобной техники можно уличить человека во лжи, – сказал Муромский.

– Вы хотите сказать, что действительно умеете читать мысли? – Голос Бапикова звучал спокойно и ровно, как будто он спрашивал альтера, умеет ли тот играть в шашки.

– Умею, – ответил Муромский. – Но пользуюсь этим нечасто. Только в случае особой необходимости. Как правило, я отключаю эту свою способность.

– Почему?

Муромский указал сложенными вместе палочками сначала на Дживза, затем – на Бапикова и наконец – на Шаркова.

– Слушать всех вас троих одновременно все равно что находиться в комнате с тремя включенными радиоприемниками, транслирующими разные станции. Приходится постоянно напрягаться, чтобы хоть что-то понять. Кроме того, мне нравится общаться с людьми на их уровне. Иначе это похоже на игру в поддавки. Глупая, надо сказать, игра. – Муромский взял с тарелки ролл с тунцом и опустил его в чашечку с

соевым соусом. – Знаете, почему вам не нравится японская кухня?

– Потому что в ней много сырой рыбы и разных каракатиц с резиновыми щупальцами.

– Нет. Потому что вы впервые попробовали ее во время официальной встречи. Вам тогда было совершенно не до еды, поскольку решалась судьба вашего назначения на должность и перехода в Двенадцатый Круг «Вечности». Разумеется, вам было совершенно не до еды. Кроме того, вас выводило из себя то, что вы не умели как следует пользоваться палочками. А есть суши вилкой, при том что все остальные пользовались палочками, вам казалось неудобным.

Бапиков внутренне подобрался. Хотя внешне, как он надеялся, это никак не проявилось. Альтер вытянул из его памяти случай, о котором куратор и сам почти забыл. Значит, он мог найти там и многое другое. Даже то, что являлось строго секретной информацией.

Муромский посмотрел на куратора, мило улыбнулся и ничего не сказал. С таким же успехом он мог подойти и щелкнуть Бапикова по носу. Куратор умел управлять эмоциями – при его работе это было просто необходимо. Перед встречей с Муромским он старательно настраивал себя на нейтральное отношение к альтеру. Муромского не следовало воспринимать как партнера или противника. Любое из этих отношений подразумевает эмоциональную составляющую. Муромский был всего лишь инструментом. Штопором, с помо-

щью которого Бапиков собирался вскрыть бутылку дорогого, коллекционного вина. Если же ты не умеешь обращаться со штопором, то это не его вина. Глупо злиться на штопор за то, что он выскользнул у тебя из руки и закатился под стол. Однако сейчас куратор чувствовал, что начинает ненавидеть сидящего перед ним и с довольным видом жующего всякие там... киноко но таманеги...

Стоп!

Бапиков мысленно сам себя схватил за руку. Он понятия не имеет, что такое киноко но таманеги. Никогда прежде он не слышал этих слов. Откуда же они взялись?..

Куратор встретился взглядом с Муромским, который именно в этот момент поднял голову. Альтер доброжелательно улыбнулся и показал зажатый палочками кусочек непонятно чего. Только чтобы затем положить его в рот.

Бапиков почувствовал, что помимо желания и воли начинает тихо ненавидеть сидящего перед ним альтера. Этот тип вел себя так, будто Бапиков сидел у него на крючке. А он не дергал леску только потому, что был уверен, что попавшуюся на крючок рыбку непременно схватит другая, более крупная рыба. Именно это и выводило Бапикова из себя – он не считал себя наживкой.

Муромский положил палочки на край блюда, взял в руку кружку с нарисованным на ней малиновым пионом, снял с нее крышку и сделал глоток. Бапиков почувствовал поплывший по комнате аромат зеленого чая. Вкус зеленого чая ку-

ратор не любил, а вот запах ему нравился.

Альтер поставил кружку на стол и аккуратно накрыл ее крышкой.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить?

Бапикова едва не вывернуло наизнанку от такого вопроса. Можно подумать, это он пришел сюда на поклон. Нет, это альтер живет здесь и жрет свои сукияки благодаря его милости!..

– Полагаю, вы уже знаете ответ на свой вопрос, – с невозмутимым спокойствием ответил он.

– Я стараюсь общаться с людьми в привычной для них манере. – Муромский положил руки на стол и соединил кончики пальцев. – Чтобы они не испытывали дискомфорта.

Левая бровь Бапикова едва заметно дернулась – он не верил ни единому слову альтера. Тем не менее он, как положено, начал разговор с того, что представился.

– Меня зовут Юрий Станиславович Бапиков. Я возглавляю спецотдел Комитета Вечной Безопасности. Моя должность – куратор сектора. Мой помощник – Игорь Викторович Шарков. Он мой консультант по взаимодействию с альтерами.

– Иными словами, ловчий, – уточнил Муромский и перелистнул страницу стоявшей на подставке книги.

– Вы не любите ловчих? – спросил Шарков.

Не отрывая взгляда от книжных строчек, Муромский взмахнул расслабленной кистью руки.

– Прежде, может быть, и не любил. Сейчас мне нет до них никакого дела. – Альтер снова перевернул страницу. – А скажите мне, Юрий Станиславович, чем занимается ваш спецотдел?

– Мы – универсалы. Решаем вопросы, с которыми не в состоянии справиться другие, специализированные отделы. Сейчас вот налаживаем отношения с вами.

– А началось все с поисков неуловимого альтера в черной кожанке и бандане.

– Вы его знаете?

– Как же мне его не знать, если именно он освободил меня из этого пансионата. – Муромский едва заметно улыбнулся и перевел взгляд на Шаркова. – Так это вам я обязан своим спасением?

– В какой-то мере. – Шарков провел кончиками пальцев по краям лежащего у него на коленях планшета.

– Не скромничайте, Игорь Викторович, – подал голос куратор. – Идея принадлежала вам.

Шарков молча пожал плечами, мол, как знаете, а мне так все равно.

– Чрезмерная скромность далеко не всегда приносит пользу, – заметил Муромский и вновь перевернул страницу. – Хотите, чтобы я назвал имя интересующего вас альтера?

– Зачем? – Бапиков снял ногу с коленки и подался вперед. – Мы возьмем его вместе с остальными.

– Разумно. – Альтер снял крышку с кружки и сделал глоток чая. – Тогда что же вам нужно?

– Прежде всего я хочу договориться о принципах, на которых будет строиться наше сотрудничество.

– Вы это серьезно? – По выражению лица Муромского можно было решить, что куратор только что выдал какую-то вконец несусветную чушь. Или помянул какого-то святого, которого вслух ну никак помянуть нельзя.

Бапиков на секунду смутился. Потому что не мог понять, куда клонит альтер?

– Мы выполнили все ваши пожелания, которые вы передали через доктора Карцева.

– Требования. – Муромский перевернул страницу книги.

– Простите, что? – чуть подался вперед Бапиков.

– Это были не пожелания, а требования.

Куратор растянул губы в улыбке, давая понять, что оценил шутку.

Муромский глянул на него поверх книги.

Бапиков ни за что не смог бы объяснить, что было в этом взгляде такого, от чего у него мурашки по спине побежали и сердце как будто с ритма сбилось. Хотя с сердцем у него никаких проблем. И давление нормальное.

– Да бросьте, коллега. – На лице альтера вновь засияла улыбка. – Давайте говорить по существу. Вы хотите, чтобы я указал вам место, где находится поселок вольных альтеров. ОК, я это сделаю. Но сначала я должен удостовериться в том,

что у нас с вами в дальнейшем не возникнет проблем.

– О каких проблемах идет речь? – отчеканил Бапиков.

– Я должен быть уверен, что вы и впредь будете выполнять все мои требования. Быстро, точно и беспрекословно.

Бапиков только руками развел – сказать ему было нечего. Должно быть, многолетнее пребывание в пансионате все же не прошло бесследно. Этому сучьему альтеру предоставилась возможность стать чем-то большим, нежели просто дойной коровой на ферме «Вечности». Но он возомнил незнамо что. Внимание, что было ему оказано, он счел за покорность. Или даже, хуже того, за раболепство. За преклонение перед ним. Он зарвался. Совершенно определенно – зарвался!

Приготовившись встать, Бапиков выпрямил спину.

– По всей видимости, Алексей Алексеевич, вы неверно оцениваете ситуацию. Поэтому я сразу хочу расставить все точки над «ё»...

– Называйте меня Мастером, – перебил куратора Муромский.

Бапиков почувствовал, что его вновь сбили с мысли. Это было все равно как внезапно оказаться в пустоте. В полной, абсолютной пустоте. Понятия не имея, где верх, а где низ. К тому же будучи совершенно голым.

– Что? – растерянно произнес он.

– Называйте меня Мастером, – повторил Муромский и сделал горизонтальное движение кистью руки, как будто часовой маятник подтолкнул. – Вам ведь все равно, как меня

называть.

– Ну, если только не спин-протектором, – вымученно пошутил Бапиков.

– На эту должность я не претендую, – с серьезным видом ответил Муромский.

– Так. – Бапиков положил руки на колени.

Он отчаянно пытался вспомнить, о чем он говорил и на чем его прервали.

– Вы говорили что-то о правописании, – напомнил Муромский.

– Действительно?.. – Бапиков приложил пальцы ко лбу.

– О точках над «ё».

– Неужели?..

Шаркову было ясно, что Муромский контролирует разум Бапикова. Но Игорь не вмешивался. Муромский, похоже, не собирался причинять куратору вреда, он лишь демонстрировал свои возможности. Куратор был нужен ему живым, здоровым и перво-наперво в своем уме. Кроме того, Шарков был уверен, что, попытайся он что-нибудь сделать, альтер и его нейтрализует так же легко, как Бапикова.

Шарков посмотрел на служащего в сером костюме. Он был из сектора, что курировал Бапиков. Агент, прошедший спецподготовку. Бапиков ничего не рассказывал о методах подготовки своих агентов. Однако он дал понять, что техника скоростной прицельной стрельбы, работа с ножом и кастетом, несколько разных техник рукопашного боя и психо-

логический тренинг – все, что изучил Шарков, прежде чем стать ловчим, для его агентов было все равно что лузганные семечки. Агент стоял на своем месте, неподвижный, как мраморный Давид. Взгляд его прозрачных глаз был устремлен в ту самую пустоту, в которую столь неожиданно для себя соскользнул куратор.

– Простите. – Пытаясь собраться с мыслями, Бапиков потер ладонью лоб. – У меня... голова закружилась.

– Со всяким случается, – участливо улыбнулся Муромский. – Хотите чаю? Или, может быть, глоток виски? У меня есть двенадцатилетний...

– Нет, благодарю! – вскинул руку Бапиков. – Если можно, просто воды.

– Дживз! – Муромский стукнул пальцем по столу, и слушающий в сером ожил. – Дай, пожалуйста, воды Юрию Станиславовичу.

Агент сделал шаг к окну и отдернул бирюзовую портьеру. За ней оказался большой лабораторный холодильник со стеклянной дверцей. Две верхние его полки были заложены гемаконами. На нижней в два слоя, пробками вперед, лежали пластиковые бутылки с минералкой. Агент взял бутылку из холодильника и направился к Бапикову.

– Дживз! – Муромский снова стукнул пальцем по столу. Агент замер подле кресла, в котором сидел куратор.

– Дживз, вылей воду на голову Юрию Станиславовичу.

Не ведая сомнений, агент одним движением свернул с бу-

тылки пробку.

– Дживз! – Удар пальцем по столу.

Агент снова замер.

– Прекратите, черт возьми, паясничать! – Выхватив бутылку из руки агента, он быстро сделал глоток. – Зачем вы устроили этот цирк?

– Чтобы вы смогли верно оценить ситуацию, – не без иронии ответил Муромский. – И тогда мы вместе сможем не торопясь, аккуратно расставить все точки над «ё».

– Уберите его, – бутылкой указал на нависшего над ним агента куратор.

– Дживз.

Агент удивленно посмотрел на пустую руку, в которой у него была бутылка.

Муромский сделал короткий жест кончиками пальцев, и агент послушно вернулся на свое обычное место.

– Итак. – Муромский перевернул очередную страницу стоящей перед ним книги. – Прежде всего: все, о чем я прошу, – это не пожелания, а требования. Надеюсь, это понятно?

– Секундочку, – поднял палец Бапиков. – Вы продемонстрировали нам свою способность манипулировать людьми...

– Нет. – На секунду лицо Муромского недовольно скривилось. – Мне не нравится это слово. Что значит «манипулировать»? – Альтер пожал плечами. – Если ситуация того требует, я подчиняю себе людей. Я контролирую их сознание

и разум.

– Почему же тогда вы не подчинили себе охранников пансионата? – не удержавшись, спросил Шарков. Хотя и понимал, что Бапикову это может не понравиться. – Вместо этого вы выжгли им мозги.

– Отформатировал, – уточнил Муромский. – Потому что я был обижен на них. Они вели себя недопустимо грубо.

– Ну, хорошо, вы можете подчинять себе людей, – взмахнул рукой, будто отбросил в сторону что-то ненужное, Бапиков. – Предположим, вы сможете захватить разум сразу десяти человек.

– Без проблем, – улыбнулся альтер.

– Или даже сотни.

– К чему вы клоните?

– Хочу узнать, что вы станете делать, если, скажем, я пришлю сюда два десятка танков с приказом сравнять пансионат с землей?

– Вы действительно можете так поступить? – спросил альтер спокойно. Так, будто ответ на вопрос не особенно его интересовал, а задал он его исключительно из вежливости, дабы поддержать разговор.

– Мы рассматриваем гипотетическую ситуацию, – ответил куратор.

– Гипотетическую. – Указательным пальцем Муромский коснулся подбородка. – Ну, хорошо. – На губах его появилась легкая, почти что озорная улыбка. – Будьте добры, по-

дойдите к окну.

– Зачем? – насторожился Бапиков.

– Чтобы увидеть то, что я собираюсь вам показать.

Поколебавшись секунду-другую, Бапиков решительно поднялся на ноги.

– И вы тоже посмотрите, – жестом пригласил альтер Шаркова. – Вам будет интересно.

Пока гости занимали места у окна, высокого, с округлым верхом и широким мраморным подоконником, Муромский вновь взялся за палочки. Теперь его внимание привлекла темпура. Он макал кусочки обжаренных в легком тесте овощей в соус терияки и быстро, один за другим, отправлял их в рот.

За окном простирался занесенный снегом сад. Он был такой большой, что ворота на другом его конце казались игрушечными, сделанными из тонюсеньких проволочек.

Шарков и Бапиков смотрели в окно, пытаясь угадать, что именно собирается показать им альтер. А Муромский, покончив с темпурой, принялся за остывшую сукияки. Он ел торопливо, заглатывая кусочки пищи, как змея, почти не разжевывая. Это было похоже не на утоление голода и уж точно не на дегустацию блюд, а на экстренную заправку организма энергией.

Куратор покосился на Муромского – у него появилась мысль, что альтер их просто дурачит. Непонятно только, перед кем он собирался выставить их в дураках? Перед самими

собой? Как-то очень уж мелко. Они ведь не дети, чтобы вестись на подобные шутки... Хотя Муромский с тринадцати лет в пансионате. Двадцать лет в одиночке. Общение только с врачами и охранниками. Быть может, при всем внешнем пафосе он все еще смотрит на мир глазами тринадцатилетнего парнишки?.. Как он там сказал, когда Шарков спросил, почему он отформатировал мозги охранникам?.. «Я на них обиделся...»

Бапиков чуть наклонил голову, чтобы привлечь внимание Шаркова, и пристально посмотрел ему в глаза. Он старался не облекать свою мысль в слова, дабы альтер не смог ее ухватить. Куратор надеялся, что Шарков и так его поймет.

Шарков краем глаза посмотрел на затылок альтера. Да, он мог прижать ладонь к затылку Муромского, ударить его лбом о стол, а затем, перехватив другой рукой подбородок, резко дернуть голову альтера в сторону. Все это заняло бы ровно три секунды. Что мог успеть сделать альтер за эти три секунды, находясь в положении жертвы?.. А на что он был бы способен со свернутой шеей?..

Шарков посмотрел на Бапикова и едва заметно качнул головой. Он мог это сделать, но не считал, что стоит делать это сейчас. В конце концов, если подвернулась одна возможность, то наверняка появится и другая. Альтер не был искусственным бойцом, а потому допускал просчеты. И не просто допускал – он даже не замечал их. Выходит, у него были слабые стороны.

Муромский кинул палочки в пустой стакан, промокнул губы салфеткой и бросил ее на блюдо. По-прежнему не глядя на гостей, альтер откинулся на спинку кресла и сцепил руки на затылке.

– Видите семиметровую голубую ель в начале аллеи?

Бапиков молча кивнул. Ель была самым высоким деревом вблизи крыльца, так что не заметить ее было трудно.

Прошла секунда.

Другая.

И вдруг ель вспыхнула, точно гигантская римская свеча.

Она не загорелась в каком-то одном месте, а полыхнула вся сразу, от нижних веток до самой маковки.

К горящему дереву с разных сторон, всполошенно размахивая руками, бежали охранники. Они не понимали, как это произошло, и понять не могли, что надо делать. Забрасывать горящее дерево снегом или раскатывать пожарный рукав?.. А может, просто дать ему спокойно сгореть? Все равно поблизости не было ничего, что могло бы тоже загореться.

А дерево пылало, разбрасывая вокруг снопы сверкающих искр. Звуки не проникали за окна с двойными стеклопакетами, но можно было представить, что за треск стоял на улице.

«Дерево само не может так гореть, – глядя на пылающую ель, думал Бапиков. – Значит, оно было чем-то обработано. Каким-то горючим составом. А потом кто-то находящийся снаружи увидел меня в окне. Это был сигнал – и он поджег елку!»

Муромский резко повернулся и положил локоть на спинку кресла.

– Юрий Станиславович, – произнес он с укоризной. – Ну, скажите, что вы это не всерьез!

– Разумеется. – Бапиков поджал губы. – Я просто перебирал возможные варианты... Чисто по привычке.

Альтер улыбнулся и указал на Бапикова пальцем:

– Лезвие Оккама!

– Вроде того, – кивнул Бапиков.

– И какой же вариант у вас остался?

– Ель подожгли вы.

– Разумеется, я, – усмехнулся Муромский. – Кто же еще? Но – как я это сделал?

– Я видел альтеров, способных к пирокинезу. Но максимум, на что их хватало, это зажечь спичку, зажатую в пальцах.

– Так то были простые альтеры. Скорее всего, даже не воплощенные. А я – Мастер.

– И что это значит?

Муромский с досадой цокнул языком:

– Пока еще и сам не знаю.

Шаркову показалось, что он не играл. Альтер и сам еще не знал ни пределов своих возможностей, ни цели своего появления в этом мире.

Ель за окном почти догорела. От нее остался лишь черный, обугленный скелет, на ребрах которого то тут, то там

порой еще вспыхивали язычки пламени.

Бапиков потянул носом. Ему показалось, что он чувствует запах дыма, просачивающийся сквозь щели оконной рамы. Хотя, скорее всего, это было игрой воображения.

– И чего ради вы устроили этот сеанс пирокинеза?

– Хотел показать, как будут гореть ваши танки. – Муромский улыбнулся. – Чисто гипотетически.

– Танки – это не елки.

– Я в курсе, Юрий Станиславович.

«Дурацкий разговор», – подумал Бапиков.

– Полностью с вами согласен, – тут же отозвался альтер.

Бапиков повернулся к окну спиной и посмотрел на Дживза. Взгляд агента был вполне осмысленный, но лицо оставалось невозмутимым. Как будто его совершенно не касалось ничего из того, что происходило вокруг. Никоим образом.

«Действительно, как вышколенный английский дворецкий, – подумал Бапиков. – Хотя сейчас, пожалуй, таких и в Англии не сыщешь».

Куратор обогнул стол и, не торопясь, направился к своему креслу.

– Ну и что же мы будем делать? – спросил он, усаживаясь. – Вы же понимаете, что просто оставить все как есть мы не можем.

– Вы не можете, – уточнил Муромский.

– Пусть так, – устало согласился Бапиков. – В любом случае нам необходимо достичь некоего взаимопонимания.

– Что вы хотите понять? – быстро спросил Муромский.

– Ну, например, каковы ваши цели? Поймите, это не праздное любопытство...

– Понимаю, – перебил Муромский. – Но я не готов ответить на этот вопрос.

Такой ответ куратора не устраивал.

– Вот как, – холодно произнес он.

– Я не шучу! – Пожалуй, впервые за все время разговора Муромский повысил голос не ради театрального эффекта.

– Надеюсь, – не изменил своей реакции на его слова Бабиков.

Кинув руки через подлокотники, Муромский упал в глубь кресла.

– В конце концов, какая вам разница, что нужно мне? Для вас должно иметь значение лишь то, что нужно вам.

– Зная вашу цель, я смогу предупредить ваши желания.

– Не сможете.

Куратор не стал продолжать спор, в котором не видел смысла.

– Хорошо, тогда скажите, что вы ждете от нас?

– Я уже сказал. Вы должны в точности выполнять все мои требования.

– И что мы получим взамен?

– Вам нужен поселок вольных альтеров – вы его получите.

– Когда?

– Сразу после того, как я получу то, что нужно мне.

Бапиков усмехнулся:

– Я не умею читать мысли.

– Мне нужен архив проекта «Вечность».

Бапиков едва не поперхнулся:

– Простите. – Дабы скрыть смущение, он дважды кашлянул в кулак.

– У вас рядом с креслом стоит бутылка с водой, – напомнил альтер.

– Да, спасибо.

Куратор перегнулся через подлокотник, взял с пола бутылку и сделал три маленьких глотка.

– Какие именно документы вас интересуют? – спросил он.

На несколько секунд Муромский сделал вид, что задумался. После чего ответил:

– Все.

– Это невозможно, – уверенно заявил куратор.

– В наше время нет ничего невозможного, – лукаво улыбнулся альтер. – Я уверен, что весь архив «Вечности» давно оцифрован. Мне нужен лишь доступ к серверу, на котором он хранится.

– Невозможно, – медленно и веско повторил куратор. – Никто не имеет доступа ко всему архиву «Вечности».

– Даже спин-протектор?

– Ему это вообще ни к чему, – едва заметно усмехнулся Бапиков.

– Выходит, во главе «Вечности» стоит не спин-протектор?

– Вы, вообще-то, понимаете, о чем говорите? – резко подался вперед Бапиков.

– Уверяю вас, то, что было и будет сказано в этой комнате, не выйдет за ее стены. Все жучки, что расставил здесь старина Дживз, давно уже под моим контролем. Я позволяю вам слышать и видеть только то, что сам считаю нужным. Ну а сам старина Дживз... – Муромский бросил взгляд на агента в сером. – Скажем так, мы нашли с ним взаимопонимание.

– Как бы там ни было, я не уполномочен обсуждать с вами вопросы, касающиеся «Вечности». – Бапиков заметно нервничал. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Да и зачем вам это?

– На данном этапе это простое любопытство. Я собираю информацию.

– Я могу организовать вам доступ к коллектору закрытых новостей. Вы сможете одним из первых узнавать все новости, причем новости в чистом виде, без ретуши. Или к базе данных тридцать первого отдела, где хранится такая информация, по сравнению с которой «Секретные материалы» – всего лишь детские страшилки.

– Мне нужен архив «Вечности».

Бапиков развел руками, давая понять, что это тупик.

– Я не уполномочен решать такие вопросы, – сказал он.

– Тогда организуйте мне встречу с тем, кто может его решить, – потребовал Муромский.

– Боюсь, это тоже не в моих силах. Мы с господином Шар-

ковым разрабатываем сейчас проект под названием «Алексей Муромский». – Бапиков вытянул руку в сторону альтера. – И пока у нас не будет результатов, с нами никто ни о чем разговаривать не станет. Понимаете? Так работает система. Если я завтра приду к спин-протектору и скажу, что для продолжения проекта мне нужен доступ к архиву «Вечности», меня даже не спросят, зачем он мне нужен. Прихлопнут проект и меня вместе с ним! – Для наглядности куратор хлопнул ладонью о ладонь. – Вы со своими способностями, может быть, и вывернетесь. Но мне на это, честно говоря, будет уже глубоко наплевать. Потому что сам я буду уже никто и имя мне будет Никак. И, черт возьми, меня такой вариант совсем не устраивает! – Бапиков вовсе не сорвался. Ему просто надоело ходить вокруг да около. Муромский предлагает сыграть в открытую. Отлично! Он готов показать свои карты. – Я заинтересован в сотрудничестве с вами. Но вы – это не все, что у меня есть. И существует граница, переступать которую я не намерен. Поэтому я предлагаю: давайте действовать последовательно. И для начала определимся, что каждому из нас нужно на первом этапе нашего сотрудничества. Вы сами предложили нам поселок вольных альтеров. Отлично! Скажите, что вы хотите взамен. Но только пусть это будет не Луна с неба, а что-то реальное. Что-то, что я могу для вас сделать.

Бапиков залпом допил остававшуюся в бутылке воду и кинул пустую пластиковую тару на пол. Бутылка с шумом по-

катила по паркету, ударила о плинтус, качнулась назад, потом снова вперед и замерла.

– Убери со стола, Дживз, – сказал Муромский. – Я наелся.

Агент, исполняющий роль слуги, ненадолго вышел в соседнюю комнату. Вернувшись с большим, круглым, серебряным подносом, он принялся быстро и аккуратно переставлять на него посуду и столовые приборы.

Бапиков молча ждал, что ответит на его предложение Муромский. Он был уверен, что альтер примет его, поскольку точно знает, что куратор не блефует и что предложение, сделанное им, на самом деле последнее. А Муромскому, что бы он там ни задумывал, нужен был контакт с человеком, имеющим определенный вес и власть. Иначе бы зачем он вернулся в пансионат? Быть может, он и мог сделать так, чтобы два десятка танков разом вспыхнули, как светляки. Быть может, он один мог без единого выстрела положить целую армию. Быть может, он сам был неуязвим для пуль и огня. Но сейчас война не входила в его планы. Иначе бы он не стал вести никакие переговоры, а сам бы пришел и взял то, что ему было нужно.

Дживз поднял поднос и, держа его перед собой, как драгоценную святыню, степенно удалился.

Муромский скомкал лежавшую справа от него газету и кинул на пол.

– Какую чушь пишут в газетах!

– О чем? – осведомился Бапиков.

– Да обо всем сразу! Какая мне разница, что думает о возможной деноминации певец Толям, если я даже не знаю такого певца! Лучше объясните мне, почему вообще идет речь о деноминации!

– Могу вас заверить, деноминации не будет. По крайней мере, в ближайшие пару лет.

– А вот Толям с вами не согласен!

– Я тоже не знаю, кто такой Толям, – улыбнулся Бапиков. – И газет я не читаю. У меня иные источники информации.

Муромский сложил руки на краю стола.

– Мне импонирует ваша искренность, Юрий Станиславович, – произнес он, чуть понизив голос, чтобы слова его прозвучали доверительно. – Полагаю, с вами можно иметь дело. По крайней мере, до тех пор, пока у нас имеются общие интересы. То, что я занял пансионат под свою резиденцию, будем считать компенсацией за те годы, что я провел здесь как пленник. Не возражаете?

Бапиков молча наклонил голову, коснувшись подбородком воротника.

– Теперь что касается платы за мои услуги. Меня интересует прежде всего информация. В особенности та, которой нет в свободном доступе. На сегодняшний день самой засекреченной организацией, несомненно, является проект «Вечность». Девяносто процентов населения даже названия такого никогда не слышали. Остальные десять процентов так или иначе связаны с «Вечностью». Как вы, например. Поэтому

сейчас меня интересует все, что связано с «Вечностью». Выдать мне архивы «Вечности» вы не можете. Хорошо, давайте, как вы и говорили, начнем с малого. Есть же какая-то информация, которая на данный момент неактуальна? Давайте с нее и начнем. Только это должны быть не слухи и не досужие вымыслы, а абсолютно достоверная информация.

Куратор постучал пальцами по подлокотникам.

– Я ничего не могу обещать. Но узнаю, что можно сделать.

Муромский укоризненно погрозил пальцем:

– Неправда, Юрий Stanisлавович. Вы уже подумали о том, что мне можно скинуть результаты научных исследований конца прошлого века. Давайте начнем с этого, я не против. Мне это интересно.

– Я должен согласовать этот вопрос, – глядя в сторону, ответил Бапиков.

– Разумеется, – снисходительно улыбнулся альтер. – Я вас не тороплю. Мне есть чем заняться. И в отличие от вас у меня впереди действительно вечность.

– Мне придется оставить с вами моего помощника. Я хотел, чтобы Игорь Викторович пообщался с доктором Карцевым и дал свое заключение по поводу состояния его психики, – сказал Бапиков. – Последнее время разговоры с ним по телефону внушают мне опасение. Ну а если вы будете иметь дело с секретными документами, то Игорь Викторович станет отвечать за их сохранность.

– Ничего не имею против, – пожал плечами Муромский. –

Напротив, буду только рад, если рядом окажется человек, с которым можно поговорить. Ваши агенты, Юрий Станиславович, вы уж извините, никакие собеседники. Из них слова клещами не вытянешь. А доктор Карцев, как вы верно заметили, несколько неадекватно реагирует на ситуацию. На мой взгляд, с психикой у него все в порядке. Вот только он почему-то меня боится. Хотя я не давал ему для этого никаких поводов. Игорь Викторович, вы-то, надеюсь, не из робкого десятка?

Шаркову такой вопрос не понравился. Но если альтер пытался напугать его, то он ошибся.

– Я кое-что видел в этой жизни, Алексей Алексеевич, – ответил Шарков.

– Называйте меня Мастером, – уточнил альтер. – Да, и елку сгоревшую велите убрать, – напомнил он Бапикову. – Пусть посадят на ее место новую. А то пейзаж за окном, как на поле боя.

Куратор взглядом переадресовал заявку Шаркову:

– Можно убрать сгоревшую. – Игорь сделал пометку в планшете. – Но новую зимой сажать нельзя. Не приживется.

– У меня приживется, – заверил Мастер.

Шарков сделал новую пометку в планшете.

«Может, у него еще и ананасы на елке расти будут?» – подумал он.

– Ну, это вряд ли, – усмехнулся Мастер. – Хотя попытаться можно. Чем черт не шутит.

Глава 5

Димон

Димон битый час делал вид, что прогуливается по главной улице поселка. Ходил из стороны в сторону. Пройдет метров сто, повернет – и обратно.

Мороз – градусов пятнадцать. Снег валит такой, что к тому времени, когда Димон возвращался к началу пути, следы его почти заметало. А он, как обычно, в джинсах и черной кожанке, да с банданой на голове. И не ради форсу, а потому, что это была единственная одежда, в которой он чувствовал себя комфортно. Надев полушубок или хотя бы пуховую куртку, Димон чувствовал себя провалившимся в иное измерение, где все неправильно. И не просто вверх ногами, а шиворот-навыворот. Он как будто находился внутри, когда должен находиться снаружи. И чувствовал неодолимое желание вернуться в свое исходное состояние, то есть скинуть с себя все эти нелепые зимние одежды.

Димону не было холодно, поскольку он умел контролировать термобаланс своего тела. При необходимости он мог бы провести ночь голым на снегу. Правда, перед этим ему нужно было бы как следует поесть. Но сейчас его больше всего донимал именно снег, падающий с неба большими, мягкими хлопьями. Как будто кто-то там, наверху, выпотрошил наби-

тую лебяжьим пухом перину. Можно подумать, им там заняться больше нечем, как только распоротые перины трясти. Снег ложился на плечи, налипал на бандану, превращая ее в нелепый белый тюрбан, и даже в карманы умудрялся набиться. В карманах снег таял, от чего руки Димона становились влажными, а подушечки пальцев покрывались морщинами, как после долгого купания.

Димон приветливо улыбался и махал рукой проходившим мимо жителям поселка. Он старательно делал вид, что случайно здесь оказался. Но, проходя мимо дома Аддамсов, который находился как раз в середине его маршрута, более подходящего маятнику, Димон всякий раз посматривал, не выходит ли кто на двор.

Один раз на улицу вышла Кана. В накинutom на голову сером платке, она быстро добежала до подсобки и через три минуты вернулась в дом. Потом из дома вышел Иаков. Он смел снег с крыльца, помахал Димону рукой, взял лопату и принялся чистить дорожку. Иаков был высок, широкоплеч, силен и проворен. Он раскидывал снег по сторонам, как лопастный снегоуборщик. Вся работа заняла у него не более пяти минут. Оставив лопату у крыльца – снег и не думал кончаться, и ясно было, что скоро снова придется его убирать, – Иаков скрылся в доме. Через пятнадцать минут он снова вышел, на этот раз чтобы кинуть на перекладину большущее лоскутное одеяло, которым могли укрыться, наверное, человек пять разом. Снова увидав Димона, Иаков ничуть не уди-

вился, только снова махнул ему рукой.

Таковы были Аддамсы. Ты мог голым мимо них десять раз пройти, а они будут только вежливо здороваться с тобой, словно ничего необычного не происходит. Аддамсы полагали неприличным лезть без спросу в дела других людей. У всякого человека, по их мнению, было право поступать так, как он считает правильным и нужным. И, ежели кто-то расхаживает по улицам голый, значит, у него имеются на то причины. Какие – это уж его личное дело. Однако, когда их просили, Аддамсы никогда не отказывались помочь. Более того, делали это с охотой.

Димону нужно было повидаться с пятнадцатилетним Тимом Аддамсом. Обычно парень то и дело шнырял туда-сюда по двору. А сегодня, как нарочно, куда-то запропастился. Позвонить ему или связаться каким другим образом было невозможно. Аддамсы не держали дома ни телефонов, ни компьютеров, ни каких-либо других девайсов. Они считали, что весь этот электронный хлам только мешает людям общаться по-человечески.

Конечно, можно было просто зайти в дом и спросить Тима. Но тогда Димону непременно пришлось бы иметь дело с кем-то из старших Аддамсов. У Аддамсов так принято: даже если ты пришел к младшему, сначала нужно перемолвиться хотя бы парой слов с находящимися в доме представителями старшего поколения. Этого требовали правила приличия. И не исключено, что разговаривать придется с отцом

Тима Юфтаном, который был самым сильным телепатом из всех, кого знал Димон. От Юфтана скрыть ничего не удастся. Юфтан сразу почует, что Димон что-то замышляет. Да еще и Тима собирается в это втянуть.

Одним словом, Димону нужно было переговорить с Тимом с глазу на глаз. А Тимка, как назло, из дома не показывался. Димону настолько надоело ходить из стороны в сторону под снегом, с засунутыми в карманы мокрыми руками, что он начал изобретать хитроумные планы в духе машины Голдберга, с помощью которых можно было бы вытянуть Тима из дома. Самый невообразимый из них начинался с того, что нужно было залить водой дорожку, ведущую от калитки до крыльца дома Аддамсов, ту самую, что чистил от снега Иаков. После того как дорожка станет ледяной, по ней следовало пустить один за другим три камня для игры в керлинг...

По счастью прибегать к этому плану, включающему в себя, помимо всего прочего, пиротехнику, три маринованные селедки, вареный говяжий язык, три коробки канцелярских кнопок, три мяча для игры в гольф, дюжину шариков для пинг-понга, две дюжины сырых яиц, почтового голубя, маленького нильского крокодила и раскаленный утюг, не пришлось. Прежде чем Димон решился приступить к его реализации, Тим сам вышел на улицу.

– Тим! Тим! – подскочив к забору, призывно замахал рукой Димон.

Увидев Димона, Тим поставил на снег красные пластико-

вые ведра, что были у него в руках, и подошел к забору.

Тим Аддамс выглядел младше своих лет. Он был невысокого роста, худощавый, с длинными, зачесанными за уши светло-соломенными волосами. На нем было длинное черное пальто с поднятым воротом, из-под которого едва виднелись штанины таких же черных широких джинсов. На ногах у него были добротные, но совершенно немодные ботинки. На голове – черная широкополая шляпа с голубой ленточкой, единственным цветным украшением. Лицо у Тима, как и у всех Аддамсов, было широкое, почти круглое, с ямочкой на подбородке и крупными веснушками на розовых щеках. Нос – самый обыкновенный, прямой и без причуд. А вот серые глаза Тима были необыкновенно красивыми и выразительными, как у Аль Пачино. Даже маленьким Тим был не по-детски спокоен и уравновешен. Казалось, его вообще невозможно вывести из себя.

– Привет, Тим. – Димон перекинул руки через забор.

– Привет, – улыбнулся в ответ Тим. И вежливо осведомился: – Как дела?

– Нормально, – кивнул Димон. – Ты сейчас занят?

– Дед велел скотину покормить.

Аддамсы были одними из немногих, кто держал дома скотину. Причем не ради забавы или эстетического удовольствия, а, как и полагается, ради продуктов питания. Аддамсы считали, что люди должны сами добывать или выращивать себе еду.

– Нам бы с тобой потолковать надо, – прищурился Димон.

– О чем? – удивился Тим.

– Есть одно дело. – Димон поднял вверх указательный палец. – Важное и секретное.

– Отец все равно узнает, – недовольно скривился Тим.

– Поэтому я и не буду тебе сейчас ничего говорить, – хитро прищурился Димон. – А как освободишься, приходи в магазин. Там мы с тобой по мороженому съедим и о деле поговорим. Ну а ежели договоримся, так и отцу твоему все расскажем. Идет?

– Ладно, – согласился Тим.

– Ну, давай. – Димон хлопнул Тима по плечу и трусцой побежал вниз по улице.

Ему безумно надоел сыплющийся с неба снег, и он мечтал обрести наконец крышу над головой.

Авторитет Димона в поселке был необычайно высок. А среди молодежи он так просто был героем. Соломон ругал его за сумасбродство, но другим альтерам, напротив, импонировала Димонова бесшабашность. И всякий раз, когда Димон задавал перца ловчим, едва ли не весь поселок ликовал. Что, опять же, очень не нравилось Соломону, который был сторонником ненасильственных методов борьбы за права альтеров. Поэтому Тиму было страшно интересно, о чем хочет поговорит с ним Димон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.